

ВТОРОЙ СБОРНИК КОШМАРОВ,
ЗАПИСАННЫХ ПОСРЕДИ НОЧИ

АЛЕКСАНДР ШУПИНСКИЙ

Александр Шупинский

**Второй сборник кошмаров,
записанных посреди ночи**

«Автор»

2024

Шупинский А.

Второй сборник кошмаров, записанных посреди ночи /
А. Шупинский — «Автор», 2024

Путешествия в мрачные места, города и деревни. Столкновение с демонами, духами, вампирами и оборотнями. Загадочные жуткие явления, сводящие с ума или забирающие людские жизни и многое другое, в моём втором сборнике рассказов.

© Шупинский А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Старый альбом	5
Два с половиной	14
Двадцать четыре часа	20
Словно упавший лист	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Шупинский

Второй сборник кошмаров, записанных посреди ночи

Старый альбом

Ещё две недели назад я только и жил тем, что охотился по всей стране за редкими гравюрами и рисунками. Если взглянуть на моё жильё и банковский счёт, можно сказать, что иногда даже неплохо на этом зарабатывал. Один раз наткнулся на оригинал Альбрехта Дюрера за сущие копейки. А сейчас... а что сейчас? Сейчас я живу вот в этих голых кирпичных стенах и на километр не подойду к подобным вещам и за все деньги мира.

Нет уж, увольте. С меня хватит приключений на мою старую дряхлую задницу! Всегда гордился тем, что не выгляжу на свой возраст, пятьдесят пять лет, но за последние две недели я, кажется, стал выглядеть на семьдесят с лихом. Отныне буду держаться подальше от всех этих картинок. Я бы хотел заняться разведением лошадей в какой-нибудь глубинке, но, боюсь, не сейчас. Пока нельзя выходить отсюда, сейчас никак, так что, может, в другой раз.

Вам решать, верить мне или посчитать меня фантазёром или человеком с психическим заболеванием. Скажу сразу, меня не волнует, что вы обо мне подумаете, мой рассказ – своего рода предупреждение о том, что может с вами произойти, если полезете туда, где вам не место и коснётся того, чего касаться не надобно.

Пожалуй, начнём, простите за тавтологию, с самого начала.

Две недели назад, десятого марта, я, во время своих скитаний по просторам интернета наткнулся на упоминание об одной действительно древней деревне, существующей и по сей день. Какой-то турист писал в своём, явно не самом популярном блоге о древней, как он выражался, как фекалии мамонта деревне, находящейся на краю цивилизации, в сибирской глуши. Называлась та деревня Староболотово. Я незамедлительно решил туда отправиться. Причина незамедлительности весьма проста. Во-первых, если верить рассказу мужчины, раньше там располагался один из старейших монастырей страны. Что-то около шестнадцатого века постройки. Значит, был шанс, что на руках у местных могли находиться нужные мне книги, куски бумаги или пергамента. Во-вторых, из-за её труднодоступности оставались шансы на то, что именно я буду тем счастливицом, что придёт туда первым и сгребёт все бесценные сокровища.

Самолётом до Тобольска, затем четыре с половиной часа за рулём арендованного форда фокуса, часов пять-шесть пешком по глуши – и я бы вытянул очередной лотерейный билет. Всё это моё занятие, по сути, с самого начала и есть обычная лотерея. Никогда точно не знаешь, вознаградят тебя боги, или бог, или вселенная, кому как угодно, или уедешь ни с чем.

В подобных случаях медлить нельзя, и спустя сутки после того, как я наткнулся на упоминание о деревне на просторах интернета, я стоял на её окраине. Деревня оказалась полностью окружена болотами, и к ней вела всего одна заброшенная дорога. Это место можно сравнить с центром циферблата, где лишь один из шестидесяти путей ведёт не в болото. По состоянию дороги можно судить о серьёзной степени её заброшенности. По ней давно не ездил транспорт, лишь одинокие пешеходы, вроде меня.

Первая мысль, пришедшая мне в голову, как только я достиг окраины деревни – это место давным-давно заброшено. Покосившиеся, заросшие деревцами и кустами домишки с обвалившимися крышами жались друг к другу, казалось из страха перед неминуемым забвением.

Пройдя среди удручающих бревенчатых мертвецов около сотни метров, я увидел вдалеке струйку уходящего в небо дыма. Оказалось, на этом кладбище ещё теплилась жизнь.

К удивлению, домик, к которому я держал путь, выглядел весьма сносно и даже опрятно. Крашенный в зелёный цвет, он ярким летним пятном выделялся на фоне мрачной окружающей серости. В доме на окнах стояли горшки с фиалками и глиняные фигурки времён СССР.

За домом, на импровизированной площади, возвышались руины, скорее всего, того самого монастыря, ради которого я сюда приехал. Главный каменный скелет среди десятков, а то и сотен мелких деревянных останков.

Над кованой калиткой висел небольшой колокол, заменяющий дверной звонок. Палатку я с собой не взял, к тому же на улице начало быстро темнеть, и я был бы рад любому месту, куда смогу бросить свои кости. Я позвонил в колокол в надежде найти пристанище до утра. Колокольный звон взрезал наступающие сумерки, но скорее напугал, чем обрадовал. Никогда не знаешь, что можешь разбудить, позвонив ночью в колокол посреди кладбища.

Скрипнула входная дверь. На пороге показался мужчина лет восьмидесяти в джинсах и вязаном шерстяном свитере. В одной руке держа кружку, в другой двустольное ружьё.

– Добрый вечер, – сказал я, – не могли бы вы приютить меня на ночь? А то я не ожидал наткнуться здесь на вот это всё. Ни одного отеля или постоялого двора. Я заплачу сколько скажете, это не проблема.

Мужчина осмотрел меня, жестом поприветствовал меня, поставил ружьё на пол и подошёл к калитке.

– Какими судьбами оказались в нашей деревне? Гости здесь большая редкость. Смотреть тут не на что и делать тут нечего.

– Я Александр, приехал в поисках старых гравюр, книг, рисунков, для своей коллекции. Но, боюсь, здесь уже ничего не сохранилось, так что поутру я отправлюсь в обратный путь.

– И то верно. Бродить по здешним болотам в темноте – не лучшая мысль. Проходите, могу предложить вам чашку чая и печёную фасоль с тушёной. Я бы на вашем месте оголодал, проделав столь длинный путь. Денег с вас не возьму. Буду рад компании.

Мужчина улыбнулся, открыл калитку и протянул мне руку.

– Николай Григорьевич.

Я пожал руку. Старик оказался чертовски сильным, сдавив мою руку словно тисками.

– Премного благодарен за ваше гостеприимство.

– Возможно, я смогу немного помочь в пополнении вашей коллекции. В шестидесятых годах, когда мне и пяти лет не было, сгорела наша церковь, построенная, между прочим, в конце шестнадцатого века, и с тех пор люди стали постепенно покидать эти места. Сейчас я остался последним жителем в этой, некогда процветающей деревне. С возрастом одному жить стало трудно. Дров наколоть, воды принести и другие сложности. Даже за продуктами приходится за тридевять земель мотаться, а машинке-то скоро лет сорок стукнет. Продать одинокий дом среди руин не представляется возможным, так что, если получится продать кое-что, перееду в город. Пришло время и мне оставить родную землю. Сниму квартиру в Екатеринбурге, вблизи театра, и буду посещать все премьеры, пока не помру.

Старик своими словами заинтриговал меня. Во мне загорелся азарт. Началась та самая лотерея. Я старался не выдать свою заинтересованность и лишь слегка кивнул головой в знак согласия, хотя внутри всё горело огнём. Вдруг внутри меня ждала ещё одна гравюра Дюрера. Но то, что ждало меня, стократно превзошло все возможные ожидания.

Внутри дом представлял собой типичный деревенский бревенчатый сруб, никогда не видевший ни электричества, ни других современных благ человечества. Всего одна комната, она же кухня, она же гостиная и спальня с русской печкой в центре. У окна стоял накрытый выцветшей клеёнкой грубо сколоченный стол.

– Будете конфеты, печенье? – спросил старик, наливая мне горячий чай.

Я вежливо отказался. Последние пару месяцев пытался сбросить к лету лишний вес и старался не притрагиваться к мучному и сладкому.

– Моё дело предложить, как говорится. А я, с вашего позволения, попью с конфетами. Нельзя отказывать себе в небольших удовольствиях, когда костлявая уже занесла над тобой косу.

Через минуту чаепития старик резко вскочил из-за стола, едва не опрокинув свою чашку.

– Я совсем забыл, мне нужно вам кое-что показать. Осталось только вспомнить, куда я его положил. Почти пятьдесят лет, поди, прошло с тех пор, когда я в последний раз его смотрел. Точнее, пытался смотреть. Подождите немного, я постараюсь принести альбом как можно быстрее. Он точно должен что-то стоять, я уверен. Очень красиво, очень.

Разумеется, я сказал, что подожду.

Старик достал из-под стола две керосиновые лампы. Зажёг их. Одну поставил на стол передо мной, вторую взял с собой и стал обыскивать немногочисленные шкафы и тумбочки. Не найдя в них желаемого, он кряхтя полез на чердак.

Прошло около двух часов. На улице окончательно стемнело. Старик спустил с чердака коробку, покрытую толстым слоем пыли.

– Если не здесь, то не знаю где и искать, больше нигде, – недовольно пробормотал он.

Как только он открыл её, издал радостный возглас и извлёк на свет божий толстый зелёный альбом. У каждого советского человека хранились подобные толстяки, с фотографиями их бабушек и дедушек, и я был не исключением.

– Ну, наконец-то, вот он! Я уж думал, что не найду. Долго же ты тут провалялся, мой старый страшный друг.

Старик бережно достал альбом. Его лицо озарила широкая улыбка.

К моему удивлению, он не открыл альбом, проверить, на месте ли его содержимое, а сразу положил на стол передо мной.

– Вот он. Уверен, он кое-что, да стоит. Посмотрите, не торопитесь, а я пойду немного почитаю. Только очки найду. Когда-то эти фотографии меня сильно пугали, не хочу воскрешать их в памяти. На них запечатлены местные жители в рождественских костюмах. Фотографии очень старые. А вы человек молодой, с крепкими нервами, вам они, возможно, и вовсе покажутся смешными. И ещё. Если захотите есть, в шкафчике над печкой найдёте консервированную печёную фасоль и свиную тушёнку. Да, еда простая, но горячая, вкусная и сытная, а что ещё нужно холодным вечером?

С этими словами он взял одну из стоящих на полке над столом книг, и удалился за печку, держа в одной руке лампу.

Я поблагодарил его, и с энтузиазмом взял альбом. Страницы оказались очень толстыми, из двухмиллиметрового ватмана, так что всего их было не более десяти. Я открыл альбом. На первой странице я увидел лишь пустые уголки, в которых должна крепиться фотография. Вторая страница по-настоящему шокировала меня, как ничто до этого момента.

Почти шестьдесят лет назад, когда меня ещё не было на свете, случилась она загадочная история. Григорий Архангельский, один из сказочно богатых московских коллекционеров, в тот момент проживающий в Швейцарии, анонсировал закрытый показ одной чрезвычайно редкой фотографии. По его словам, на ней изображён настоящий, призванный из самых глубин ада, демон. Мой отец был одним из счастливчиков, получивших приглашение на показ. К сожалению, за день до назначенного срока особняк коллекционера сгорел дотла вместе с ним и его семьёй. С тех пор об этой фотографии ходило неисчислимое количество слухов, легенд и сплетен. Многие винили именно её в смерти Григория Архангельского. Мутная была история, и я, если честно, не сильно в неё верил. До этого самого момента.

И тут я вспомнил рассказ старика о том, что церковь сгорела в шестидесятых годах, в то же время что и дом коллекционера вместе со всей его семьёй. Неужели эти трагедии как-то связаны?

В тот момент я точно понял, что связаны, и виной этому точно была та полулегендарная фотография, которую никто не видел. Я не сомневаюсь, что именно с первой страницы этого альбома фотография демона и попала в руки Григория Архангельского, сгубив его.

Не отрываясь, словно заворожённый, я смотрел на фотографию со второй страницы. На ней в центре странного рисунка, нанесённого какой-то тёмной краской на каменном полу, находилось нечто, лишь отдалённо напоминающее человеческое существо. Не стояло, не сидело, а именно находилось. В какой-то скрюченной позе, с двумя светящимися, словно у кошки, глазами почти у самого пола. Казалось, если это существо распрямится, то при длине тела около двух метров, его конечности вытянутся от него минимум на три, а то и четыре метра.

Спустя полчаса пристального разглядывания фотографии, я достал телефон, чтобы сфотографировать находку, но, к сожалению, он оказался полностью разряжен.

Тут я вспомнил некоторые подробности из истории Архангельского. Ходили слухи, что на обратной стороне его фотографии находилось заклинание, с помощью которого можно призывать демона, запечатленного на ней. Я достал фотографию. Признаюсь, я не сразу её перевернул, боясь, что и эта часть истории окажется правдой и один взгляд на неё изменит мою жизнь. Причём, учитывая опыт Архангельского, не в лучшую сторону.

На обратной стороне красными чернилами кто-то нанёс тот самый рисунок, нарисованный на каменном полу, в центре которого стоял демон, и какие-то символы внутри и вне рисунка. Сверху надпись «Калгон-са. Демон. Неуправляем. Опасен». В нижней части фотографии небольшие пометки от руки в три строчки: «1. Метку наносить кровью некрещёного. 2. Для свечей чёрный воск с пеплом казнённого за убийство. 3. Не смотреть на сущность, общаться только через серебряное зеркало».

Убедившись в правоте слухов, я быстро вернул фотографию на место. На самом деле, я по-настоящему боялся. Мне было страшно смотреть на рисунок лишнюю секунду, чтобы, не дай Бог, не запомнить его. Что-то внутри меня всеми силами противилось этому.

Я изучил каждую из фотографий. Все они представляли собой инструкцию по призыву. Кем и когда они были написаны, для меня оставалось загадкой.

К моему удивлению, на них присутствовали не только демоны. На последней фотографии в кругах из десятков стояло существо, объётое ярким свечением. Его вид внушал скорее спокойствие, чем страх. Надпись на обратной стороне гласила: «Неизвестно. Неизвестно. Ангел. Неизвестно». Снизу пометки: «1. Метки наносить смесью святой воды, молока и мела. 2. Обычные церковные свечи. 3. Непредсказуем, чрезвычайно опасен. Из всей группы выжила только я».

На последней странице находилась фотография, на которой рядом стояли десять человек, семь мужчин и три женщины. Скорее всего, это и была та самая группа, из которой выжил всего один человек.

Не помню, сколько раз я пересматривал альбом, но в какой-то момент я решил перевернуть фотографию с последней страницы. То, что я прочитал на обратной стороне, кое-что прояснило.

«Проект «Призыв», 1942 год.»

Под фотографией находилась небольшая записка. «Германия пала, чёртов Адольф гниёт в земле. Слава товарищу Сталину! Мы победили, проект закрыт.»

Проект «Призыв», скорее всего, это был один из запасных планов победы СССР над нацистской Германией. Никогда о таком не слышал. Наш ответ Анненербе, или ещё кому? В любом случае я столкнулся с оккультной группой или организацией, работавшей на Советский Союз.

Сказать, что этот альбом стоил больших денег – это ничего не сказать. Эта информация стоила миллиарды долларов. Многие правительства отдали бы всё, чтобы заполучить в свои руки возможность призвать существ из потустороннего мира, и, возможно, управлять ими.

За этот альбом легко могли убить. Не буду отрицать, желание убить старика, и тем самым избежать торгов за бесценную вещь, приходило ко мне в голову. Отдалённость деревни и тот факт, что старик являлся последним жителем, упрощали бы сокрытие преступления. Но я всегда знал, что не способен на какое-либо преступление, и уж тем более на убийство. К тому же сейчас я точно знал о существовании потустороннего мира, существовании демонов и ангелов, получается, и ада и рая тоже. Так что желание совершать любой грех, тем самым обеспечив себе место в аду, среди запечатлённых на фотографиях существ, отпадало само собой. Оставалось одно, попытаться, во что бы то ни стало договориться со стариком.

– Очень интересный альбом. Фотографии действительно редкие и ценные, – обратился я к старику.

– Очень хорошо. Я не сомневался, что они что-то стоят. Приятно иметь дело с честным человеком. Я давно уже хотел отнести их в ломбард, но, зная, как там дуруют пенсионеров вроде меня, не решался. Сколько, по-вашему, они могут стоить?

– Боюсь, точную сумму назвать не смогу, но очень дорого.

Старик встал с кровати, вышел из-за печки и сел за стол.

– На квартиру в Екатеринбурге хватит?

Тогда у меня перед глазами стояли миллиарды долларов и ареол славы, которые я получу за продажу этого альбома, и я был готов с лёгкостью расстаться со всем, что имел на тот момент. У меня на счету находилось не многим больше трёх миллионов, но я мог быстро и дистанционно взять кредит под залог квартиры и тысяч за пятьсот продать автомобиль, так что в целом я был готов к запросам старика. Несмотря на пелену, застилавшую мне глаза, хотелось проследить за тем, чтобы старик всё-таки знал меру в своих желаниях. Столбовой дворянкой и царицею морскою при всём желании я его сделать не мог.

– На квартиру у театра точно хватит, и на пожизненный билет на все премьеры тоже хватит.

– Я сейчас приготовлю нам поесть, а то невежливо как-то с моей стороны не накормить гостя. Правда, как я уже говорил, ничего лучше, чем печёная фасоль с тушёной у меня всё равно нет.

– Спасибо, не откажусь. Так сколько вы хотите за этот альбом?

– Вижу, вы хороший человек, и не обманете старика. Давайте сделаем так. Вы покупаете квартиру, на какую хватит стоимости альбома, и мы в расчёте. И обязательно недалеко от центрального театра. Моей пенсии должно хватить на всё остальное, еду, ЖКХ и билеты.

Ну, сколько может стоить квартира не в Москве? Я рассчитывал миллиона на четыре-пять максимум, и тут же согласился на его предложение.

– Честность когда-нибудь меня разорит окончательно, но я согласен, на какую хватит стоимости альбома, – сказал я, и мы пожали руки в знак закрепления сделки.

– Возьмите одну фотографию сейчас, в знак моего вам доверия, а остальные я пока подержу у себя. И не забудьте мой паспорт, думаю, он пригодится при покупке недвижимости.

Старик достал с полки паспорт и протянул его мне. Я выбрал фотографию с ангелом, аккуратно поместил её в переноску для гравюр и спрятал в рюкзак.

На следующий день я отправился в Екатеринбург ознакомиться с ценами на здешнюю недвижимость у театра. Как назло, там недавно построили новый жилищный комплекс, квартиры в котором не сильно уступали в цене московской недвижимости. Самая дорогая на верхнем этаже стоила одиннадцать с половиной миллионов. Я точно не знал, можно ли за ложь попасть в ад, но рисковать всё же не стал, и остановился на самой дорогой квартире.

Я планировал в тот же день продать свою квартиру и как можно скорее вернуться к старику в деревню. При быстрой продаже недвижимости агентству я потеряю процентов десять-пятнадцать от рыночной стоимости, но в сравнении с потенциальной выгодой эта пара миллионов терялась, словно огонь спички на фоне полуденного солнца.

Но тут меня осенило, а на самом ли деле я покупаю то, что думаю? Вдруг это действительно фотографии ряженных, как и думает старик? Я, конечно, мог позвонить одному своему другу, владельцу аукционного дома, но была одна проблема. Расскажи я ему о том, что у меня есть вещь, которая может стоить очень больших денег, появлялся некий риск. Ко мне в любой момент могли приехать крупные парни и вместе с зубами выбить из меня эту фотографию. Да к тому же, не зря говорят, что знают двое, знают все. Работая с большими деньгами, лучше оставаться в тени и тишине. В связи с этим оставалось только одно – проверить всё на своей шкуре.

Мне уже пятьдесят пять, и у меня появился шанс стать одним из самых богатых людей мира. Оставалось только убедиться в подлинности фотографий, затем продать одну из них, а думать о том, что делать с остальными восемью будет проще, находясь в своём особняке, или даже замке где-нибудь в Шотландии или Австрии, о котором я всегда так мечтал.

Одна из фотографий лежала у меня в рюкзаке, оставалось найти нужные ингредиенты и проверить, есть ли у меня шанс воплотить все мои мечты. Выглядело всё просто. Повезло, что я не взял фотографию существа, для призыва которого требовалась кровь, пепел висельников и другие вещества, с которыми, очевидно, возникли бы проблемы. Церковные свечи я приобрёл в ближайшей церкви. Молоко, воду и мел купил по пути туда.

На окраине Екатеринбурга я снял сдающийся посуточно дом. Всем понятно, для каких целей снимают дома посуточно, но спать я там и не собирался. Проще было снять номер в любом отеле в центре, но, учитывая опыт Григория Архангельского, решил немного удалиться от людей. Если что-то пошло бы не так, единственным, кто мог пострадать кроме меня, был пёс породы шпиц по кличке Пуся, вместе с которым сдавали дом. Интересно, какому количеству супружеских измен он был свидетелем? Уверен, ангелов он здесь ещё не видел.

– Он точно вам не помешает, будьте в этом уверены, – сказала мне хозяйка дома после получения денег и протянула ключи.

Знал бы я тогда, чего мне будет стоить этот пёс, выкинул бы его из дома без единого угрызения совести.

У хозяйки был голос женщины, которая не прочь приложиться к бутылке другой. И в том, что мои деньги будут потрачены в ближайшем алкомаркете, я не сомневался.

Получив ключи и напоминание, что завтра к восьми утра дом должен быть пуст, я сразу приступил к своему плану. В самой большой комнате убрал ковёр, принёс туда большое ростовое зеркало из прихожей, смешал на кухне ингредиенты и принялся с удивительной для себя точностью наносить на пол круги с фотографии. Затем закорючку за закорючкой каждый символ внутри и вне кругов. В точном расставил свечи, выключил свет, достал из кармана спички, чиркнул и принялся их зажигать. Ползал по полу, пока не загорелась последняя, создав в комнате скорее романтическую обстановку, чем пугающую, и уставился в зеркальное отражение плодов труда рук своих.

Меня удивило, что для подобного ритуала не требовалось никаких пафосных фраз на одном из мёртвых языков. Никаких тебе «Абракадабра» или «Клату, Верату, Никту». Просто нарисовать, зажечь свечи и ждать?

Мой разум с каждой секундой всё больше наполнялся сомнениями.

Вдруг тот самый пёс, о котором меня предупреждали, но которого я так и не видел, вбежал в комнату. Видимо ему захотелось поиграть, но как только он оказался внутри, чего-то испугался и стал тормозить всеми четырьмя, при этом зацепив так тщательно нарисованные мною круги и уронив одну из свечей. Я подумал, что ничего страшного не случилось. Пёс

сейчас убежит, я поправлю свечу и рисунок и буду дальше ждать, но Пуся замер, словно в параличе. Он касался пола всего одной лапой, но не падал, лишившись опоры. Я попытался, смотря в зеркало, его отодвинуть и поставить свечу на место.

Когда мне оставалась всего пара сантиметров до животного, тот абсолютно бесшумно разлетелся по всей комнате кровавыми брызгами и клочками шерсти, словно подорвавшись на противотанковой мине. Я непроизвольно отвернулся, а когда взглянул в зеркало снова, обнаружил как по нему расползаются множественные трещины. Краем глаза я увидел, как фотография, с помощью которой я провёл ритуал, сгорела, оставив после себя на полу лишь обгоревший прямоугольник.

Удивительно, но я не чувствовал страха или боязни за свою жизнь. Если я не превратился в кровавые брызги, как бедный пёсель, возможно, для меня всё обойдётся. Я медленно поднял глаза.

В круге было нечто напоминающее силуэт, казалось, обычного человека, если не считать странного сиреневого свечения из-за спины. Именно силуэт, совсем нечёткий, словно вибрирующий. Как я ни старался, я не мог сфокусировать на нём взгляд, от чего у меня начали сильно болеть глаза, и я был вынужден вновь опустить голову. К своему ужасу я обнаружил что одна нога силуэта выходит за пределы круга.

– Опять? Зря, человек, очень зря, – раздался голос, доносившийся, казалось, отовсюду, из каждого угла комнаты и изнутри моей головы.

Голос звучал крайне раздражённо, ледяными потоками разливаясь по моим венам. И в тот момент мне стало по-настоящему страшно. Я чувствовал, что надо оттуда поскорее бежать, иначе меня ждало что-то, о чём я и подумать не хотел. Сказочное богатство отошло на второй план, уступив место инстинкту самосохранения. Перед глазами раз за разом проносился взрыв несчастного животного. Подобная участь, если не хуже, ждала и меня.

– Не учитесь вы на своих ошибках. У меня мало времени, так что не станем затягивать. Теперь моя очередь показать тебе свой мир, – протянул он.

Существо протянуло ко мне свою руку, но я отскочил в сторону и, спотыкаясь, побежал к выходу. Вдруг что-то стало затягивать меня обратно в комнату, словно муху в гигантский пылесос. Мимо меня в комнату пролетали сорванные со стен дешёвые картины, какая-то одежда, обувь. Я отчаянно вцепился в край ковра, к моему счастью, наглухо прибитого к полу.

Сквозь шум я услышал звук поворота ключа в замке входной двери.

– Соседи проходили мимо дома, сказали, что видели на окнах красные брызги. Я должна проверить, всё ли в доме в порядке, – услышал я уже голос изрядно подвыпившей хозяйки дома.

Не успела она открыть дверь, как её подхватила неведомая сила и пронесла надо мной в комнату. Изнутри раздалась чертовски пугающая смесь звуков, вой ветра и какой-то нечеловеческий смех. Затем всё полностью стихло. Мне показалось, что я оказался в космосе, в бесконечном вакууме, где полностью отсутствует всякие звуки. Спотыкаясь, я выбежал из дома, смог пробежать несколько метров и в страхе повалился на землю. Ещё несколько секунд дом стоял на своём месте, а потом с оглушительным хрустом и треском исчез внутри сферы от которой исходило то же свечение, что и он того существа. Его втянуло в сферу, и буквально пару секунд я мог видеть, что происходило по ту сторону.

Ангел, или демон, или чёрт знает, кем он был, одной рукой держал женщину за шею над землёй. Затем другой рукой схватил её за ноги и рванул в разные стороны. К счастью, я не видел, чем всё закончилось, но мог предположить, что её голова и тело сейчас лежат где-то в другом измерении на приличном расстоянии друг от друга. Именно в измерении, то место, что я видел, никак нельзя назвать раем, где в теории должны находиться ангелы, или в раю сейчас творится что-то очень нехорошее.

Несколько часов я брёл вдоль дорог, скрываясь от света фар проезжающих автомобилей, чтобы меня не смогли связать с пропажей человека. Не забыл снять пиджак, весь в крови шпица. Проходил несколько гостиниц, но не воспользовался их услугами по той же причине. Всю ночь и утро я брёл до города, где взял такси и за немалые деньги доехал до агентства недвижимости, где приобрёл квартиру на имя старика, а потом меня ждал долгий путь в деревню к старику.

Он уже собрал все свои вещи и сидел посреди дома среди груды коробок. В руках он держал чёрно-белую фотографию какой-то женщины. Я сразу узнал в ней одну из трёх женщин на последней фотографии. Но через мгновение её черты на фотографии стали расплываться и принимать облик той, которая по моей вине приняла мучительную смерть. Она смотрела на меня с такой злобой в глазах, какую я и представить не мог. Я отвёл взгляд и помотал головой, свалив всё на недосып и усталость.

– Это ваша мать? – спросил я.

– Да, Артемьева Лидия Ивановна. Вы удивитесь, но я до сих пор не знаю, кем она работала. У меня где-то есть фотография, где она пожимает руку самого Сталина. Я сейчас найду, подождите немного.

С этими словами он кинулся шарить по коробкам.

– Не стоит, я вам верю.

Он взглянул на меня.

– Вы неважно выглядите, была тяжёлая ночь?

– Проверял фотографию на подлинность. Должен сказать, они настоящие.

– Я до сих пор не верю, что это происходит. Как какие-то старые фотографии колядующих могут столько стоять?

– Боюсь, это не совсем колядующие.

– А кто же это? Я всегда знал, что фотографии костюмов, даже настолько качественно сделанные, не могут столько стоять и пугать до дрожи. Хотя нет, не отвечайте, не надо. Пусть будут колядующими. Как говорится, меньше знаешь, крепче спишь. Я из тех людей, что хотят остаток жизни спать крепко.

Затем он взял со стола альбом и протянул его мне.

– Возьмите его. Не хочу его больше никогда видеть. Делайте с ним что хотите.

Мы поехали в город, я передал старику ключи от квартиры со всеми бумагами на его имя, закончив тем самым эту часть истории. В результате сделки у меня в собственности осталась родительская дача в тверской области, подержанное авто и девять абсолютно бесценных фотографий, способных навсегда изменить тот мир, который мы знаем.

Следующие несколько недель я находился на даче, где в попытках придумать, что же мне делать дальше, потихоньку сходил с ума. Сначала я не мог смотреть на фотографии людей, их лица неизменно меняли черты, превращаясь в ужасную гримасу той самой женщины. Она смотрела на меня, проклинала и начинала говорить. В основном о том, что я виноват в её смерти и смерти её собаки, и что сделают со мной, когда я попаду туда, где находится она. Любые попытки вести диалог заканчивались её душераздирающими криками, вынуждающими меня отвести глаза и закрыть уши руками.

Со временем я не мог смотреть вообще ни на какие изображения и даже просто читать книги. Буквы на страницах двигались, принимали человеческие черты и вновь я узнавал в них хозяйку дома.

Я понимал, что если я ничего не предприму и буду просто сидеть на одном месте, то обязательно двинусь умом и, скорее всего, наложу на себя руки.

Очень хотелось быстро продать одну из фотографий и рвануть куда-нибудь за границу, но я понимал, что не выдержу такого путешествия. Если каждый встреченный мною человек

будет превращаться в неё и кричать мне в лицо, трудно будет вести себя не как сумасшедший и закончится путешествие в одной из психушек.

В течение недели я перепробовал все способы избавиться от этих видений. Психологи, представители всех религиозных конфессий, гадалки, шаманы и многое другое. Единственное место, где я смог почувствовать себя в безопасности, и где меня не преследовали сводящие с ума видения – это дом старика. Тот самый, где всё началось, и, боюсь, всё для меня закончится.

Два с половиной

– Присаживайтесь вон на те коробки, – тихим, заговорщицким голосом сказал Николай Васильевич, и показал дрожащей рукой на несколько коробок, стоящих у стены в его скромном жилище, – Не бойтесь, не продавите, там книги.

Илья и Мария присели, положив на пол рядом с собой рюкзак и большую сумку с надписью «Sony».

– Ничего, если мы заснимем на видео наш разговор? – спросил Илья, показывая на сумку.

Николай Васильевич налил себе стопку и сделал разрешающий жест рукой, словно император разрешающий начало празднований в его честь.

– Дерзай, молодёжь. Вы же эти, как там вас? – он глотнул горячительного и довольно улыбнулся, – Ах да, видеоблогеры. Куда же вы тогда без этого самого видео-то денетесь?

Илья стал распаковывать оборудование, ставить камеру на штатив и настраивать её. Мария в это время прикрепила петличный микрофон к растянутой грязной майке Николая Васильевича.

– Сразу в интернет снимаете или как там у вас? – спросил хозяин жилища.

– Нет, здесь интернет плохой, мы всё запишем сейчас, а в интернет потом всё выложим. После монтажа, конечно, – ответила Мария, присаживаясь на коробки.

Разговор происходил на окраине Конаковского района, недалеко от деревни Шумново, в границах Шумновского болота. В доме Николая Васильевича, легендарного персонажа в здешних краях. Стоял он на островке в центре зловонного участка болота, поросшего мхом и болотной растительностью. Вернее, будет сказать, не дом, а лачуга, в основе которой был старый, полуразвалившийся дом на колёсах. Конечно же, уже давным-давно без колёс, так что скорее просто домик. К дому на колёсах из где попало добытого пиломатериала были пристроены несколько крошечных помещений. Кухня, складское помещение, курятник и сарай с двумя козами. В домике без колёс он жил сам и принимал крайне редких гостей.

Команда ютуб-канала «Страшно интересно» были его первыми гостями за последние восемь лет. Последними его гостями восемь лет назад были представители местной власти, которые пытались выселить его, как они говорили, с незаконно занимаемой территории. Территории в богом забытой болотистой местности. В результате их визита ему пришлось переместиться на несколько сотен метров вглубь леса.

В городе его знали, как местного сумасшедшего, выползающего из своего укрытия только ночью, несущего всякий бред, и периодически гуляющего по городу со своими козами, Розой и Мимрой. Ему было немногим за пятьдесят, но зелёный змий превратил его в жалкое подобие человеческого существа. Вечно сутулящийся, плохо пахнущий, одетый в лохмотья, он не мог вызывать у людей никаких чувств, кроме отвращения и жалости.

Одна его история дошла до идейного вдохновителя ютуб-канала «Страшно интересно», и вот они оказались здесь, в его лесном поместье. Их канал был одним из крупнейших в рунете. Они прославились и имели более пяти миллионов подписчиков благодаря страшным историям, собранным со всех уголков нашей необъятной родины. И, конечно, людям нравилась подача контента, очень серьёзно, но с элементами юмора.

Создателями канала были муж с женой, Илья и Мария Градовы, двадцати девяти и двадцати пяти лет. Как только канал стал приносить прибыль, они бросили свою основную работу и посвящали всё время ютубу. И вот нелёгкая занесла их в такие дебри. В кишасщее комарами и слепнями болото, где можно было легко и бесследно сгинуть, сделав всего один неверный шаг.

Мария была на пятом месяце беременности, и этот выпуск должен был стать последним роликом на их канале. Илья пообещал завязать прекратить поездки и съёмки, сопряжённые с риском для здоровья.

Илья взглянул на наручные часы. Половина двенадцатого.

– Николай Васильевич, вы не против, если мы начнём съёмки? А то время позднее, а до машины с полчаса пешком по темноте, – сказал Илья, глядя на то, как отшельник трясущимися руками заливает очередную порцию спиртного себе в горло.

Мария положила на стол конверт.

– Вот деньги, – сказала она, – как договаривались, десять тысяч рублей за вашу историю.

– В мельчайших подробностях, – добавила она.

– Понимаю, понимаю, торопитесь сильно. Двадцать первый век, сейчас все торопятся. Включайте вашу камеру.

Илья снял крышку с объектива и нажал на небольшую красную кнопку.

– Итак, мы в эфире, так сказать. Сегодня мы в гостях у Николая Васильевича, чтобы узнать его действительно интересную историю. До нас дошли лишь обрывочные её части. Но она настолько нас с Марией зацепила, что мы припёрлись в богом забытую пердь ради неё, – сказал на камеру Илья.

– Про пердь это вы извините, подписчики любят подобные словечки. У вас очень милый город, – добавил он, глядя на отшельника.

К тому моменту в бутылке водки осталось всего на два пальца жидкости. Николай Васильевич отодвинул её в сторону, достал из дырявого кармана рубашки самокрутку, прикурил и начал свой рассказ.

– Сами понимаете, история случилась довольно давно, ровно двадцать пять лет назад. Чё за месяц у нас сейчас на дворе?

– Две тысячи двадцать второй год, пятнадцатое июня, – ответила Мария с явным раздражением.

– Получается так, ровно двадцать пять лет назад случилось то, что случилось. Случилось то, что не должно было случиться.

Он плеснул себе в стакан немного спиртного.

– Всех подробностей я могу не помнить, столько времени прошло, сами понимаете. Что-то утеряно в годах и литрах. Так вот, ровно двадцать пять лет назад решил я пойти за грибами. Решил уйти подальше, где точно ничего не было бы обшарено местными и дачниками. Коих в тот год были целые полчища. Как вы недавно сказали, решил углубиться в самую пердь, за Шумновские болота. Болота я не боялся, в отличие от большинства, так как имел к тому времени некоторые навыки. Отец постоянно таскал меня по болотам за клюквой. Болото в итоге и отняло его у меня. Ну да ладно, разговор не об этом.

За окном ярко блеснула молния, и через несколько секунд прогремел гром.

– Придётся вам возвращаться под дождём, погода испортилась, – сказал отшельник, затягиваясь самокруткой.

Илья и Маша переглянулись.

– Переживём, взяли с собой дождевики, – сказал Илья, – продолжайте, пожалуйста.

– Да, так вот. Забрался я тогда далеко-далеко. Я с собой тогда взял самую большую корзину, рассчитывая на небывалый урожай грибов. Скажу сразу, она мне не пригодилась. Ну так вот, набрёл я тогда на какие-то руины в центре небольшого островка. И вот что я заметил тогда, это меня не напугало, но сильно удивило. Как только я зашёл на тот островок я прекратил слышать всякие лесные звуки и даже шум ветра в деревьях. Понимаете? Ну, там, пение птиц, и даже жужжание проклятых комаров. Да и запах там стоял гнилостный, тошный. Это явно было нехорошее место, которое нужно было сразу обойти стороной и больше никогда туда не возвращаться. И те руины, чёрт их возьми. Хотя то, на что я наткнулся, назвать руинами можно с очень большой натяжкой. Это была насыпь в форме идеального круга. Какие-то гнилые доски, кованые элементы, камни. Но, как я понял, это были останки какой-то церкви или небольшой часовни.

– Что вас навело на такие мысли? – спросил Илья.

Николай Васильевич активно жестикулировал весь свой рассказ. И в этот раз дал волю своим рукам. Он поднял руки к потолку и резко опустил их на стол.

– Очевидно же! Это было не сложно. Церковь равно кресты, так? А там как раз недалеко на земле лежал большой ржавый, гнутый кованый крест. А внутри круга, у самого края, ещё один крест небольшого размера. Вот он-то и привлёк моё внимание. Из-за него я и не убежал оттуда, сломя голову. Не знаю, уместно ли тут будет слово «чертовски», но он был как раз чертовски красив. Он был из белого металла, скорее всего серебряный, весь резной, тонкой работы, со следами от некогда прикреплённой к нему фигурки Ии.. – он сделал паузу, пытаясь выговорить слово Иисус. Но у него так ничего и не вышло.

– В общем, вы поняли о ком я, кого обычно крепят к кресту. Судя по всему, веса тот крест был не малого, пару кило уж точно. Если бы я знал к чему меня это всё приведёт, пошёл бы за тем, за чем и шёл туда, за грибами. А про этот крест и всё что с ним связано, забыл бы навсегда и даже не рассказывал бы никому.

Он повернулся к камере боком и стал копаться в одной из коробок, в обилии лежащих внутри его жилища. И через минуту извлёк оттуда действительно прекрасное распятие. Длинной приблизительно сорок сантиметров и толщиной чуть меньше сантиметра. Он с грохотом положил его на стол перед собой. В тот же момент за окном сверкнула очередная молния, создавая практически идеальный киношный кадр.

– А вот и он. Чем тратить время на описание, проще вам его показать, – произнёс он победоносно. Будто демонстрировал голову убитого им дракона.

Мария взяла камеру со штатива и сняла распятие крупным планом.

– Действительно, красивая вещь, и дорогая, наверное, – сказал Илья.

– О да, это вы в самую точку, действительно дорогой, – он негромко рассмеялся, – знали бы вы, какую цену мне пришлось за него заплатить.

Последнее содержимое бутылки переключалось в стакан. Он сделал глоток и продолжил.

– Ну так вот. Как только я увидел этот крест, или распятие, называйте его как хотите, я немедленно забыл про грибы. Он лежал внутри круга у самой стены. Я, разумеется, захотел его забрать. Не каждый день находишь драгоценный металл. Да и кто бы не захотел на моём месте, в конце концов? В общем, я его хотел поднять и положить в корзину. Только вот он оказался к чему-то прикреплён. Я потянул его, и из-под земли показалась цепь. Крест был намертво к ней прикреплён. Цепь была железная и вся покрыта какими-то надписями. Каждое звено было испещрено надписями и символами мне совершенно не известными. Может латынь или ещё что-то более древнее, забытое бог.., – он опять замер, словно в параличе. Словно слово Бог встало у него поперёк горла.

– У вас нет той цепи? Интересно было бы взглянуть. Уверен, кто-то из наших подписчиков определил бы, что за язык и символы, – спросила Мария.

– Не торопитесь. Вы дослушайте мой рассказ, и поймёте, почему у меня её нет и быть не могло, – недовольно прошипел отшельник.

Он взял крест со стола, прислонил его к груди и закрыл глаза. По его щекам потекли слёзы. Он быстро вытер слёзы рукавом, положил крест на стол перед собой и продолжил свой рассказ.

– Я тянул этот крест, а с ним из-под земли вытягивалась и цепь. Цепь лежала вдоль всего круга, по стене. Я тянул и тянул, изо всех сил. Казалось, ей не было ни конца, ни края. Виток за витком, всё ближе к центру руин. Я тогда практически на сто процентов был уверен, что на конце цепи будет нечто ценное. Нечто гораздо более ценное, чем этот крест, – он показал на распятие, лежащее перед ним.

– В итоге я добрался до центра, цепь уходила куда-то вниз. Всего я насчитал шестьдесят шесть витков. Чёрт побери! Уже на тот момент я должен был задуматься, что шестьдесят шесть

это не такое уж и хорошее число. Особенно когда оно связано с церковью. На то, чтобы вырвать всю эту цепь из-под земли у меня ушли все последние физические силы. Но, как я тогда думал, до сожришища мне оставался всего один рывок. Необходимо было вырвать цепь, и на её конце меня ждала бы награда. Там должен был быть ларец с золотом и драгоценными камнями, или сундук, или ещё что-то ценное.

– Вы купили то, что я просил? – неожиданно резко спросил он у Ильи.

– Да, конечно, ещё вчера.

Тот сразу полез в рюкзак, через секунду извлёк оттуда три бутылки водки и несколько бутылок пива, поставив их на пол.

– Ещё вчера? Вы бы ещё грязную мыльницу с собой прихватили. Водка наверняка сейчас тёплая как моча, – недовольно произнёс он и поставил все бутылки перед собой на стол.

Он открыл бутылку пива, довольно улыбнулся и продолжил.

– В общем, стою я там и из последних сил тяну эту цепь на себя. Вот тут тоже довольно интересная часть. Уверен, вы быстро догадаетесь. Сколько звеньев я вытащил из земли, пока не увидел, что было к ней прикреплено на том конце? – спросил он и стал ждать ответа от пары зрителей, закуривая очередную самокрутку.

– Четыре? – спросила Мария.

– Думал, молодёжь нынче поумнее нашего поколения будет. Их было шесть. Понимаете, к чему веду? Шестьдесят шесть витков и шесть звеньев вниз, в землю.

Он глубоко втянул едкий дым и медленно проговорил.

– Шесть, шесть, шесть. Три шестёрки. Такое себе число, не правда ли? Можете не отвечать, ответ очевиден. Я бы попросил вас догадаться, что я достал из-под земли, но, боюсь, уровня вашей сообразительности не хватит для верного ответа. Да и к тому же вы мне заплатили не за то, чтобы давать ответы, а чтобы их получить. А извлёк я оттуда...

Его рассказ был прерван отключением света в доме.

– Грёбанный генератор, Илья, сходи, залей дизеля в эту металлическую херню. Как выйдешь, сразу налево, в маленькой пристройке стоит, канистры найдёшь там же.

– Подожди меня, я быстро, – сказал Илья Марии и пошёл на улицу.

На улице было влажно, под ногами хлюпала земля и мох. Его повсюду окружал гнетущий запах гниения и разложения. Запах давил на него, как вода давит на водолазов на больших глубинах.

Илья прислушался к окружающему его лесу, но ничего не смог услышать, кроме чавканья земли под ногами. Он на мгновение вспомнил рассказ Николая Васильевича, о круге в котором ничего не было слышно. Отошёл от его жилища на пару метров. На тропинку, по которой они сюда пришли с Марией. Как только он сошёл с островка, на котором возвышалась груда строительного мусора, называемая домом, он стал слышать всё. И крики сов, и шум ветра среди деревьев, и далёкие завывания жителей леса.

Илья несколько раз прошёлся туда-сюда, и каждый раз звуки то исчезали, то появлялись вновь. Это его немного удивило, но он пошёл делать то, зачем вышел, наполнить генератор. Залив канистру, и запустив генератор, он подождал, пока из окон на улицу вновь польётся свет, и вернулся внутрь помещения.

– Долго же ты. Разбирался, за что там дёрнуть, чтобы всё заработало? – Николай Васильевич расхохотался, будто только что рассказал самую смешную шутку в мире.

Илья жестом показал Марии, что на улице творится что-то странное.

– Мы можем продолжить? – спросила Мария, – мы бы не хотели возвращаться в город в крошечной тьме.

Отшельник залил за воротник очередную порцию пива.

– Как скажете. Так сказать, как заплачено, так и захерачено. А вы мне достойно заплатили.

Он ударил пустой бутылкой по столу.

– На конце шестого звена цепи находился я сам.

Илья и Мария удивлённо переглянулись.

– Как это понимать? – спросила Мария.

– А вот так, понимаете, как слышали. Сначала из земли показались руки, держащие цепь, все в земле. Как только я это увидел, я захотел отпустить цепь и бежать оттуда со всех ног. Но я не смог. Вопреки всему я продолжал тянуть и тянуть. За руками показалось плечо, а потом и голова. Моя голова. На правой щеке даже был порез, который я получил днём ранее. Понимаете? Точная копия меня, до малейшей детали. Но было там кое-что, что сильно отличало нас в тот момент. Его улыбка была одновременно наполнена бесконечной радостью, злобой и ненавистью. А ещё она была слишком, неестественно широкой.

– Действительно удивительная история, – воскликнул Илья, повернув камеру на себя, – ну как, мои дорогие подписчики, наша история стоила нашей поездки в эти края?

Он вновь повернул камеру на Николая Васильевича. Тот, продолжил свой рассказ, открывая последнюю бутылку пива.

– Если вы думаете, что это конец моей истории, то вы сильно ошибаетесь. Как только я увидел его, своё лицо, я потерял сознание. Очнулся я там же, но уже при свете луны. Точно не скажу, сколько в тот момент было времени. Но провалялся я там изрядно, это точно. Я хотел встать и быстро уйти оттуда, забыть всё, как забывают ночной кошмар. Встать-то я смог. Но вот уйти оттуда у меня не получилось. Я хотел двинуться, но тело меня не слушалось. Ребята, тут без крепкого табака не обойтись.

Он достал очередную самокрутку, трясущимися руками поднёс её ко рту и прикурил. По всему было видно, что вспоминать эту историю ему нелегко.

– Тогда я услышал в своей голове другой голос. Тихий, проникающий в самую душу, будто он и не принадлежал человеку. Он сказал мне: «Как же долго я был заперт. Моя благодарность тебе за освобождение, и за то, что на тебе нет креста». Эти слова произвели на меня сильный эффект, словно меня ударили пыльным мешком. Тогда у меня была всего одна мысль, что у меня поехала крыша. Может, надышался чего-то посреди болота, вот меня и перекосило. Но голос продолжал: «Иди к себе домой, отныне мы вместе на очень, очень долго. Нам предстоит много работы». И голос рассмеялся внутри моей головы, словно сумасшедший. После этого я снова мог двигаться. Чем я немедленно и воспользовался, чтобы свалить оттуда. К моему удивлению я легко преодолел расстояние до дороги, гораздо быстрее, чем тем утром.

– Вы тогда действительно чем-то надышались? Болотными газами какими-то? – Спросила Мария.

– Скоро вы всё поймёте, – тихо сказал отшельник, почёсывая бороду, – потерпите.

От его слов и интонации Илье и Марии стало не по себе.

– Вышел я на дорогу и поплёлся в сторону дома. Не знаю, сколько я шёл, но на беду я встретил в лесу какого-то бедолагу. Не на свою беду, на его беду. Я полностью утратил контроль над телом, но продолжал всё видеть и слышать. Моё тело уже не было только моим, водителей внутри было двое. И в тот момент руль был не в моих руках.

Он расхохотался, выпуская клубы густого табачного дыма.

– Той ночью я убил первый раз. Я накинулся на алкаша, словно дикий зверь и начал терзать его подобно бешеному зверю. Своими голыми руками и зубами я разрывал его на части. Некоторые части я поедал. Всеми силами я старался остановиться, но у меня ничего не выходило. Я остановился только когда передо мной на земле, в кругу из кусков одежды, внутренностей и плоти, лежал обглоданный скелет, смотрящий на меня пустыми глазницами. Ночка была та ещё, должен вам сказать. Как только тварь внутри меня покончила с человеком, я вновь обрёл контроль над телом.

– Подождите, подождите, – прервал его рассказ Илья, – вы только что на камеру признались в совершённом убийстве?

– Да, да, на камеру. Хорошо, что у вас не прямая трансляция в интернет, а просто запись. Дослушайте историю до конца, это действительно снимает часть груза с моей души. Если вы думаете, что на том моя история и закончилась, то вы ошибаетесь. Я уверен, она не закончится ещё очень и очень долго.

Он затушил окурок, глубоко вздохнул и продолжил.

– В ту ночь мне пришлось добираться до дома, будучи в крови с ног до головы. Повезло, что тогда я жил в доме с краю Конаково, так что смог добраться, оставшись незамеченным. Следующие полгода нахождение обглоданного скелета было главной темой в городе. Так же просочилась информация о том, что следы зубов на жертве были человеческие. Это лишь подкинуло угля в топку народной паники. А сейчас знаете, сколько человек исчезает в городе и районе ежегодно?

Он сделал жест рукой, как бы говоря, что не ждёт ответа на свой вопрос.

– С тех самых пор я часто слышу голос в своей голове. Да, что уж там врать, я слышу его каждый день. За всё это время я узнал только, что он что-то вроде демона. Его имя я узнать не смог. У демонов, наверняка знаете по фильмам и сериалам, довольно проблематично выудить их имя.

Он рассмеялся и одновременно стал что-то быстро говорить на непонятном языке. Но его голос уже не был человеческим. Он был глубоким и резким одновременно, и, казалось, исходил со всех сторон одновременно. А смех, вроде, был ещё человеческим. Илья и Мария вскочили со своих мест, Илья при этом задел штатив и повалил камеру на пол.

Тем временем, хозяин жилища, обходя стол, за которым сидел всё это время, продолжил свой рассказ.

– С того самого времени я ничем не болею, а все физические повреждения на мне заживают в мгновение ока. А за это у меня всего один раз в год забирают контроль над телом. Конечно же, как вы уже должны были догадаться, для убийства и пожирания одного человека. Похоже, сегодняшний день станет исключением из правил.

Он посмотрел на Илью, потом на Марию и его губы растянулись в сумасшедшей, неестественно широкой улыбке.

– В этом году их будет два, – он опустил сумасшедший взгляд на живот Марии, – точнее, два с половиной.

Двадцать четыре часа

Иван Дмитриев, майор полиции, пригнувшись, хромая, выбежал из здания городского морга. Оттолкнув стоящего в дверях сотрудника морга, скрылся за ближайшим углом здания. Судя по звукам, доносившимся оттуда, он опорожнил там свой желудок. Нехило так опорожнился.

Хромал он с самого детства, по вине старого сторожа-пьяницы. Однажды тот увидел, как Иван со своим другом Колей Давыдовым залез на территорию совхоза и сорвал пару яблок. Сторож засыпал горсть соли в свою охотничью двустволку и выстрелил ему по ногам. Вот только он забыл, что ружьё со вчерашнего дня было заряжено не холостым патроном, а патроном с дробью для охоты на уток. В результате колено Ивана было сильно повреждено, и он сильно хромотает на правую ногу вот уже более пятидесяти лет.

Через минуту он вернулся к двери и стал дрожащими руками вытаскивать сигарету из предательски дёргающейся из стороны в сторону пачки. Казалось, он полностью был сфокусирован на этом процессе, и не замечал ничего вокруг. Его серые глаза будто смотрели сквозь все проезжающие мимо машины.

Кое-как достав сигарету и зажав её во рту, он зашёл в тупик, пытаясь прикурить. Палец каждый раз соскакивал с зажигалки. И, спустя несколько попыток, обратился к стоящему рядом молодому сотруднику морга.

– Будь другом, подожги эту чёртову сигарету.

Парень взял у полицейского из рук зажигалку, зажёл её и поднёс к кончику сигареты. Иван Дмитриев начал жадно вдыхать сигаретный дым. Будто он не курить хотел, а пить после нескольких суток в пустыне, и дали не сигарету, а стакан прохладной воды.

– Ты что-то подобное видел? – спросил он.

И не дав время парню ответить, продолжил сам.

– Я вот за почти сорок лет на службе, – он сделал многозначительную паузу, – видел чертовски много всякой херни, поверь мне. Но такого ни в жизнь не видел. Да не то, что не видел, даже и не слышал о подобном. Да и если б кто сказал мне, не поверил бы ни на секунду. А тут вот оно, да ещё и в моём городе. Да и как это возможно так сделать вообще?

Он со злостью выкинул окурок в урну и закурил вторую, уже без чьей-либо помощи.

– Я здесь всего три дня работаю, – начал парень, – но да, такого я тоже не видел. Ни на учёбе в меде, ни по новостям, ни даже в кино. Действительно странное дело. Я не представляю, как такое с ним сделали. Бедняга, а ведь он ещё был жив всё время пока его это...

Парень на секунду задумался, и его тотчас пробила дрожь.

Иван Дмитриев похлопал парня по плечу, и нехотя пошёл внутрь морга.

– Ладно, надо делать то, за что мне платят. Всем надо, – сказал он напоследок, перед тем как скрылся внутри прохладного, плохо освещённого коридора.

– И какого хрена это дело дали именно мне? Мне два дня до пенсии осталось. Только такого мне и не хватало, – возмущался он шёпотом, открывая дверь во внутреннее помещение.

Войдя внутрь, он вновь ощутил гремучую смесь холода, запаха бальзамирующих и дезинфицирующих средств. Врач и судмедэксперт всё так же, согнувшись, стояли над телом. Они совершенно не были напуганы, на их лицах не было гримасы отвращения, скорее, они были удивлены и заинтригованы тем, что лежало перед ними.

– О, Иван Семёныч, вы снова с нами? – спросил Олег Смирнов, семидесятилетний патологоанатом.

Вот уж кого действительно трудно было чем-либо удивить. В этих стенах он точно успел насмотреться всякого.

Иван Дмитриев подошёл к столу и склонился над ним.

– А мы до сих пор не поняли, как это было сделано, – продолжил врач, – стоим тут и таращимся, как бараны на новые ворота.

– Вот уж действительно, ворота новые, доселе невиданные, – прервала молчание Нина Давыдова, местный судмедэксперт.

Нине не было ещё и тридцати лет, а она была уже одной из лучших в своём деле во всей Тверской области. Её неоднократно пытались переманить в другие города, в том числе в Тверь и Москву, но она каждый раз отвечала отказом. Говорила, что хочет продолжить работу своего отца в том же городе, где и он работал. Её отец, Николай Давыдов, занимал должность судмедэксперта в течение тридцати пяти лет, до случая, унёсшего его жизнь.

Пять лет назад Николай работал на месте преступления, кто-то напал на женщину в её доме и заколол её ножом. Но оказалось, что преступник всё ещё прятался где-то внутри дома. Как потом выяснил Иван, преступник сидел в дальнем углу подвала. Он ударил его со спины ножом в шею несколько раз. Иван в это время был на чердаке и никак не мог помочь своему другу. Николай умер на его руках. Он был лучшим другом Ивана Семёновича почти шестьдесят лет, ещё с детства.

– Иван, посмотрите вот сюда, – сказал патологоанатом и направил свет лампы на голову жертвы.

Тошнота комом подступила к горлу Ивана Семёновича. Волей-неволей ему вновь пришлось рассматривать лежавшее перед ним изуродованное тело жертвы.

Это тело, подсвеченное светом ламп, действительно не на шутку пугало его. У него в голове не укладывалось, как подобное может происходить в его родном городе. Да, конечно, город был далеко не идеален, он не был обителью одних лишь праведников. Случаются тут и убийства, и изнасилования, и другие неприглядные проявления природы человеческой. Несколько раз на дне реки находили бочки, полные расчленённых тел, отголоски весёлых девятых, когда могли убить за любую собственность. Но чтобы вот так? Никогда ничего подобного не происходило. Да и бывало ли нечто подобное до этого случая вообще? Не войдёт ли Конаково в мировую историю криминалистики? Такие вопросы крутились у него в голове, параллельно с созерцанием трупа.

Перед ним на железном столе лежало полностью лишённое кожи тело. Кожа была тут же, на этом же столе. Лежала шестью кучками, мерзкими длинными лентами не более одного сантиметра шириной. Каждая из шести лент была прикреплена к телу в шести местах, последними квадратиками. Можно было сказать, что сейчас весь кожный покров жертвы составлял не более шести квадратных сантиметров. Одна кучка лежала возле головы и была прикреплена к темечку. По две было возле ступней и кистей, последняя шестая, самая большая, лежала между ног жертвы.

Его взгляд постоянно возвращался к выпученным, лишённым век глазам трупа. Мол, хочешь не хочешь, а взгляни в них, хотя бы мимолётно, хотя бы ещё один разок, чтобы это отталкивающее, мерзкое зрелище ещё глубже запечатлелось в твоей памяти. Зрачки мертвеца находились точно посередине глаза, и, казалось, смотрели на тебя, с какой стороны от тела ты бы не стоял.

Тишину прервал голос старого патологоанатома.

– Чтобы вот так снять кожу только с головы у меня ушло бы несколько дней. И то я до конца не могу быть уверен, смог бы я так или нет. Не задето ни единого сосуда под кожей, вся полоса кожи просто идеальной толщины, – он пинцетом приподнял конец кожаной ленты, – а ведь для такой толщины нужно выдерживать разную.

– А я сразу скажу, что у меня точно так не вышло бы. Я так не смогла бы, и не знаю никого, кто точно смог бы. Заметьте, не видно никаких пауз в резе, будто вся кожа была снята в один подход, без остановок. Для такого, теоретически, нужно крутить тело, или чтобы кто-то крутил его за тебя. Это точно командная работа двух или более человек. И не просто каких-

то случайных людей, а профессионалов высочайшего уровня. Я сказала бы, что здесь работали гении хирургии, – сказала Нина.

Полицейский вспоминал, как во времена его молодости в армии старшие его заставляли его чистить картошку особым способом. Чтобы от каждой картошки оставалась всего одна стружка длиной не менее метра. Старшие приходили, тщательно с линейкой всё проверяли, и не дай бог у кого-то стружка оказывалась короче. Ох и выхватывал он тогда тумачков.

– Когда и где он был найден? – спросил патологоанатом.

– Сегодня в семь часов утра, недалеко отсюда, позади дома номер девять. На улице Гагарина.

– А пропал он когда?

– Последний раз живым его видела дочь без двадцати семь, когда тот ушёл из дома на работу.

Судмедэксперт и патологоанатом одновременно хором рассмеялись, будто услышали крайне смешной анекдот.

– За пятнадцать минут разделать человека вот так?! Сделать такое? – воскликнул Олег Смирнов, – ответственно заявляю, что это просто невозможно. Понимаете? Физически невозможно.

Нина задумчиво вздохнула и прислонила руку к подбородку.

– Либо тут работала целая бригада нобелевских лауреатов в области медицины, либо я не знаю что. Ведь всё вот это вот, – она широким жестом обвела весь стол, – сделано, пока человек был ещё жив. Я вот что хочу сказать, если выяснится что всё это дело рук одного человека, то я съем все свои медицинские дипломы, не запивая водой.

Старый патологоанатом широко улыбнулся.

– А я с удовольствием составлю вам компанию.

Иван Семёнович почесал затылок.

– Шутки шутками, но что мы имеем на данный момент? Это дело поручили мне, а я даже не знаю, от чего мне отталкиваться. С чего начать. Пока мы имеем только одни вопросы – и ни единого ответа. Не хотелось бы уходить на пенсию после нераскрытого дела. По вашим словам, мне нужно искать нечто среднее между бандой нобелевских лауреатов в области хирургии и кучкой инопланетян.

Старый патологоанатом взял фотоаппарат в руки и начал фотографировать тело со всех сторон.

– Полный отчёт будет готов к вечеру, – начал он, не отрываясь от фотографирования, – мне нужно будет всё несколько раз перепроверить. Пока не могу не согласиться, тут только вопросы и есть. Я попробую найти похожие случаи в мировой практике, может нам и повезёт.

– Вопросы и загадки, вопросы и загадки. Чертовщина какая-то, – задумчиво прошептала Нина, записывая что-то в блокнот.

Затем она взяла увеличительное стекло и стала пристально изучать запястье погибшего.

– Ты погляди, я не вижу никаких следов режущего инструмента, никаких борозд и тому подобного. Всё идеально ровно, словно работал лазер.

Полицейскому уже порядком надоело находиться в этом помещении, и он с нескрываемым удовольствием побрёл в сторону выхода. Начать расследование нужно было с расспроса двух людей. Его дочери, которая последней видела погибшего живым. И алкаша Дмитрия, первым обнаружившим тело.

Последнее, что он услышал, покидая помещение, были слова патологоанатома, звучавшие словно мысли, произнесённые вслух.

– Это ж что такого нужно сотворить, чтобы с тобой сделали это? С него будто сняли стружку на каком-то загадочном токарном станке.

Дверь со скрипом закрылась за спиной Ивана Семёновича, и он вновь оказался под тёплым, солнечным светом. Холод морга быстро испарился, и к нему вернулась способность трезво мыслить, не отвлекаясь на глаза, лишённые век и мерзкие кучки кожаных лент.

Официально вызывать на допрос ни дочь погибшего Юлию, ни алкаша Дмитрия не желательно, было бы потеряно драгоценное время. Проще самому навестить и расспросить их. Первая сейчас находилась у себя дома с тётёй Ульяной, сестрой погибшей матери Юлии. Второй, как и каждый другой день в году, околачивался возле «Рюмки», местной пивнушки.

Он решил дать дочери погибшего больше времени прийти в себя, и отправился напрямик к пивнушке, которая находилась недалеко от центрального проспекта. От городского морга до неё было минут пятнадцать пешего пути. Из-за проблем с ногой Иван Семёнович никогда не водил автомобиль, так что ходить пешком ему было не в тягость. Да и тот факт, что город был небольшим, только способствовал пешеходам, пару десятков минут – и ты в нужном тебе месте.

Как он и предполагал, найти Дмитрия не составило никаких проблем. Дмитрий сидел на земле, прислонившись спиной к стене пивнушки, и с удовольствием потягивал пиво из полуторалитровой пластиковой бутылки. Его одежда выдавала в нём не самого успешного человека в мире. Протёртые до дыр джинсы и рубашка, давным-давно не выдававшая утюга, надетая поверх заляпанной майки. Вишенкой на торте была ковбойская шляпа сорокалетней давности с забытой тематической вечеринки. Он сидел, надвинув шляпу на лоб, будто ковбой в бескрайней прерии.

– Ну привет, Диман. Что-то в последнее время мы с тобой видимся при не самых приятных обстоятельствах. Расскажи-ка мне, как ты сегодня утром нашел труп Леонида Воронцова, – сказал Иван, подойдя к Дмитрию.

Они с Дмитрием раньше учились в одном институте, затем долгое время их связывала крепкая дружба. Продлилась она до момента, когда им исполнилось по тридцать лет. До того самого момента, когда Дмитрий в драке в кафе не толкнул одного парня, и тот не умер от удара головой о край стола. Это неверно принятое решение стоило ему девяти лет жизни, и испорченных всех последующих лет. После выхода из тюрьмы у него в друзьях оставался только алкоголь. Все попытки Ивана ему помочь он сразу отвергал.

– Привет, привет, старый друг, – сказал Дмитрий, отставляя в сторону бутылку с пивом и сдвигая с глаз шляпу, – ну почему это при не самых хороших? Как по мне, так обстоятельства самые что ни на есть хорошие. Если не сказать замечательные.

– Как это понимать? У тебя с ним были какие-то личные счёты?

– Так я тебя сейчас просвещу. Ты же у нас делами семейными не занимаешься, вроде как. Иван Семёнович отрицательно покачал головой.

– А тут именно такие дела. Я уверен, для половины города его смерть будет хорошей новостью. Его дочь постоянно ходила с синяками и ссадинами на руке и шее. Слышал бы ты, какие слухи ходят о нём. Думаю, ты понимаешь, о чём я. Я и сам уже подумывал взять правосудие в свои руки, укокошить ублюдка.

Иван жестом попросил Дмитрия сделать паузу, и удалился в пивнушку позади него. Через минуту вышел, держа в руке банку кваса. С щелчком открыл её, и сел на землю возле Дмитрия.

– Продолжай. Такое нельзя слушать без кваса, – сказал он улыбающемуся Дмитрию.

– Его каждая собака на районе кличет не иначе как извращенец. Ты знал, что сестра его жены раза три пыталась лишить его родительских прав и забрать Юлию себе? Вот только дочь всегда молчала, ничего не говорила органам опеки, и этот гад всегда выходил сухим из воды. Короче говоря, ублюдком он был знатным, и кто бы это с ним ни сделал, честь ему и хвала. Просто вынесли биомусор.

Иван допил квас и выкинул пустую банку в урну на углу пивнушки.

– Это я уже понял, человеком он был, мягко сказать, хреновым. Как ты его обнаружил? Ничего подозрительного не видел? Если честно, это моё последнее дело, и мне хотелось бы уйти на положительной ноте. Так что буду рад любой помощи.

Дмитрий глубоко вздохнул, допил последнее из бутылки и устался на свои ботинки.

– Да я толком-то ничего ведь и не видел. Я когда из-за угла дома выходил, видел, как он на землю шлёпается, с полуметра приблизительно. Затем на землю стали падать верёвки какие-то. По крайней мере, я тогда думал, что это верёвки. Я тогда с утра был подвыпивший немного. Не смотри на меня так, у меня был достойный повод. День рождения дочери отмечал, тридцать пять лет ей, почти юбилей.

Он сделал небольшую паузу.

– Я даже не понимаю, что именно я праздную! То, что ей исполнилось тридцать пять, или то, что я не видел её тридцать пять лет. Тяжело, очень тяжело. Не дай бог кому-то подобное испытывать. Ну да ладно, имеем что имеем. В моих силах было всё изменить, но я выбрал вот этот бесславный путь.

Дмитрий поднял вверх бутылку, словно обезьяна, поднимающая новорождённого львёнка.

– Так вот, подошёл я к нему. Я-то думал, что он упал откуда-то. Может электрик или рабочий, ветки пилил и навернулся. Подошёл, хотел помочь человеку. А потом как увидел, что мужик то без кожи. И то, что полосы эти вовсе не верёвки какие-то, а его кожа. Ха, с меня тогда опьянение как рукой сняло. То зрелище привело меня в чувства покруче всякого рассола, скажу я тебе. Стою я над ним, будто и не пил всю ночь, словно меня ледяным душем окатило. Я не понял, что именно с ним случилось, но человека мне было жалко. Жалко до того момента, пока я не увидел его одежду, валявшуюся там же. Эту потёртую кожанку я узнаю из миллионов других. И тогда я понял, кто именно передо мной лежит, похожий на рисунок в кабинете биологии. Помнишь такой? Огромный такой плакатище, висел у нас в институте.

Дмитрий встал и со всего размаху ударил ногой по лежавшей перед ним сигаретной пачке в сторону урны.

– Эх, а пару раз получалось забить в урну. Я потом выброшу её как следует. Так вот, как только я узнал, что за чёрт валяется передо мной, всякое сочувствие как рукой сняло. Мне даже стало как-то немного жаль, что я не видел всего процесса от начала до конца. Как с него срезали кожу, сантиметр за сантиметром. Помучался он, поди, изрядно. Финита ля комедия, как говорится.

Дмитрий махнул рукой, давая понять, что рассказ окончен и пошёл в сторону отброшенной им сигаретной пачки.

Иван понял, что дальнейшие расспросы не имеют никакого смысла. Он уже узнал, всё что мог. Падающий откуда-то сверху труп, и лежащая рядом нетронутая одежда не выходили у него из головы. Пока выходило всё так, что кто-то сильно потрудился ради убийства местного претендента на звание отца года. Его раздели, куда-то подняли, ошкурили и затем сбросили вниз. Не много ли трудов, если того же результата можно добиться простым ударом кирпича?

Надо было идти к его дочери, вдруг она сможет сказать что-то, что поможет в расследовании. Но идти он решил не по короткому пути, а дать небольшой крюк через набережную. Прогулка всегда помогала мыслительному процессу, помогала выкинуть из головы всё лишнее.

– Уж не инопланетяне ли во всём виноваты? – усмехнулся он сам себе, – тогда это дело точно будет всяком.

Весь путь до дома жертвы Иван провёл в раздумьях. С какой стороны ни посмотри, в этом деле ничего не сходилось. Если верить патологоанатому со стажем около шестидесяти лет и одному из лучших судмедэкспертов в стране, то у убийцы не было достаточно времени, чтобы сделать то, что сделали с погибшим. На одежде ни единого пореза или других повреждений. Да

ещё это падение тела откуда-то, почему тогда нет никаких переломов или иных повреждений от падения?

Спустя полчаса он стоял у двери квартиры номер восемьдесят один дома номер девять. В подъезде была полнейшая тишина, и дверной звонок прозвучал, словно набат на пустынном ночном кладбище. Дверь открыла женщина лет сорока пяти в уличной одежде и домашних тапочках.

– Майор полиции Иван Дмитриев, хотел бы задать пару вопросов Юлии Воронцовой о смерти её отца, – сказал он, показывая своё удостоверение.

– Отца? Вы об этом куске говна? – она показала на большую фотографию под стеклом, висящую на стене коридора.

На ней был крупным планом изображён улыбающийся во все тридцать два мужчины лет пятидесяти, с удочкой в руках. Она ударила рукой по фотографии, и стекло с треском разлетелось на куски. Вытащила из рамки фотографию, разорвала на мелкие кусочки и с презрением бросила на лестничную клетку.

– В этой квартире вы, как ни старайтесь, отныне не увидите печальных лиц, – сказала она и жестом пригласила полицейского войти.

Они зашли в гостиную. Юлия сидела у окна за столом и читала какую-то толстую книгу.

– Майор полиции Иван Дмитриев, можно задать тебе пару вопросов? – обратился он к ней, присаживаясь на соседний стул, – всего пара вопросов и я уйду искать злодея. Ух ты, какая толстенная книга у тебя! Что это за книга такая? И не лень тебе её читать?

Девочка посмотрела на Ивана и протянула ему книгу.

– Дон Кихот, – медленно произнесла она.

Он взял книгу в руки и стал её листать.

– Я тоже читал её, правда это было очень давно. Интересная книга. Мне в ней очень нравился Санчо Панса. Мой любимый персонаж был.

– Дядя полицейский, а мне нравится Дон Кихот, он храбрый.

– Да, храбрости ему было не занимать. Думаю, как и тебе. Только храбрая девочка может помочь полицейскому в раскрытии сложного дела. Такого, как пропажа твоего отца сегодня.

– Я знаю, что он не пропал, он умер. И больше никогда меня не тронет. Это хорошо.

Одобрение десятилетней девочкой пропажи своего отца не на шутку испугала Ивана. Он и не представлял, что такое может быть. Чтобы детям была настолько безразлична смерть их родителя. А еще его испугало то, что он и сам перестает видеть что-то плохого в смерти этого человека. Это чувство было ему чуждо на протяжении всего времени работы в полиции.

– Ты ничего странного не заметила сегодня утром? Может, видела кого-то подозрительного?

Она встала со стула и сказала ему на ухо.

– У него не было тени.

– Это как так? – удивился Иван.

– У нас лампочки на стене в коридоре, и от них всегда остаётся тень на стене. А сегодня утром тени не было.

– Как будто мне и так не хватает странностей на сегодняшний день, – подумал Иван, но сказал, конечно же, совсем другое.

Он достал из внутреннего кармана блокнот с ручкой.

– Так и запишем, не было тени. А никого подозрительного не видела? Или, может быть, кто-то ещё был в квартире кроме тебя и твоего отца?

– Никого не было, дядя полицейский.

– Хорошо, ты мне очень помогла. Большое тебе спасибо от всей городской полиции. Возьму тебе благодарственную грамоту на работе и завтра тебе занесу. Повесишь на стену в свою комнату. Будешь на неё смотреть и знать, что ты такая же храбрая, как Дон Кихот.

Иван постучал пальцем по книге, лежащей перед ним на столе. Девочка улыбнулась и крепко обняла его.

– А теперь прошу меня простить, мне надо довести дело до конца. Найти, так сказать, свои ветряные мельницы.

Он потрепал её по голове и вышел из гостиной. В коридоре его ждала её тётя.

– Она не останется в этой квартире и в этом городе. Я заберу её к себе в Питер. Надеюсь, что, уехав из этой квартиры, она оставит все плохие воспоминания в ней. Вы, скорее всего, знаете, что я три раза пыталась лишить его родительских прав.

– Да, недавно узнал. Я вас понимаю. Как скоро вы уезжаете?

– Хотелось бы через неделю, нужно сначала оформить все нужные бумаги.

Разговор был прерван звонком из отдела. Звонила Нина Квасюк, судмедэксперт.

– Найдено ещё одно тело, в схожем состоянии. Это однозначно относится к твоему делу. Сейчас скину координаты.

– Прошу меня простить, история получила своё продолжение. И да, недели вполне хватит. Если у меня возникнут вопросы, я буду знать, где вас найти. А завтра занесу вам грамоту для девочки, как признание её храбрости, ей будет приятно.

Они попрощались. Иван вышел из квартиры и пошёл на следующее место преступления. Находилось оно на улице Первомайская, сразу за школой номер один, на самом краю соснового бора. Минут тридцать-сорок пешей прогулки для хромающего шестидесятичетырёхлетнего полицейского. Чтобы оказаться там быстрее пришлось вызывать такси, с которыми в Конаново никогда не было проблем. Таксовать было одним из способов заработать неплохие деньги в городе. На сорокатысячный город было больше десяти различных фирм такси. Машина приехала, и после пятиминутной тряски в машине он был на месте.

Периметр вокруг предполагаемого места преступления был обтянут лентой. Вокруг суетились сотрудники полиции и репортёр одной из тверских газет. Тело лежало в траве в тени старой полуразвалившейся водонапорной башни, в паре метров от тропинки, идущей вдоль леса. Вся одежда лежала в одной куче по правую руку жертвы, точно, как в предыдущем убийстве. Труп так же был лишён кожи. Вот только теперь она была снята со всего тела не спиральными полосами, а тонкими шнурками, не более пяти миллиметров толщиной, от самых ног до макушки. Кожаные шнурки огромным веером расходились от макушки, словно дьявольское головное украшение. В общем, зрелище было более чем ужасным. Кто-то среди бела дня снял кожу с человека, словно почистил морковь. По спине Ивана, несмотря на тридцатиградусную жару, пробежал холодок.

Нина Квасюк была уже на месте, сидела возле тела, изучая его через увеличительное стекло. Иван ещё в прошлый раз заметил её сильный загар, будто она последнее время жила где-то на экваторе. Тогда он связал это с её недавним недельным отпуском.

– Нина, у вас отличный загар, резко контрастируете с нами, белыми воронами.

– Благодарю, неделя в Перу не проходит бесследно, – улыбнулась она.

– Что мы имеем на этот раз? Судя по всему, работала та же бригада суперхирургов?

– Определённо работали те же люди, или нелюди. Каждый решает сам. А тела нужно как можно скорее отвести в морг.

Нина достала что-то из своего рабочего чемоданчика и продолжила с нескрываемым удовольствием возиться с трупом.

Иван стал обыскивать одежду в поиске документов. В заднем кармане джинсов лежали водительские права. Леонов Кирилл Алексеевич.

Он подошёл к Нине и постучал её по плечу.

– Кирилл Леонов. Это ведь он был главным подозреваемым в деле Николая, твоего отца?

– Да, это он, – ответила она, – я всё больше склоняюсь к тому, что кто-то делает работу за полицейских. За один день два выродка.

– Когда и кто видел жертву в последний раз? – обратился Иван к стоящему в паре метров от него парню в форме лет двадцати.

Тот достал блокнот и подошёл к нему.

– Вы сильно удивитесь.

– Боюсь, сегодня меня уже ничто не удивит.

– Видите вон то двухэтажное здание? – полицейский показал на находящееся метрах в пятидесяти здание.

Иван утвердительно кивнул головой.

– Его нашёл сосед, спустя пять минут с тех пор, как он вышел из своей квартиры в магазин.

– Из какой он квартиры?

– Из четвёртой.

Тело положили на носилки и погрузили в труповозку. Нина села на пассажирское сиденье и через минуту машина скрылась за поворотом.

Иван хотел было тоже уйти в дом опросить свидетелей, но его внимание привлекло странное движение муравьёв. Они вереницей двигались по идеальному радиусу вокруг того места где лежало тело. Иван сел на землю и заметил, что внутри этого радиуса нет ни единого насекомого. Он взял с земли небольшую палочку и положил перед муравьями. На неё тут же заползла пара. Затем поместил палочку с муравьями на неё, на то место где лежало тело, и муравьи немедленно поползли наружу из воображаемого круга. Данная операция была повторена несколько раз. Результат был идентичен, муравьи мгновенно, кратчайшим путём выходили из круга.

Иван достал из кармана конфету и положил её в сантиметре от шеренги муравьёв. Все муравьи остановились, но не приблизились к ней ни на миллиметр.

– Что за чертовщина здесь происходит? – прошептал он.

Взял конфету с земли и положил на внешнюю сторону круга. Муравьи мгновенно облепили её, и конфета полностью скрылась из вида.

Дело с каждым новым фактом становилось более странным. Теперь в кучу вопросов можно добавить ещё один, почему насекомые так странно себя ведут. Иван видел множество мест преступлений и множество трупов, везде были и мухи, и муравьи, и чёрт знает, что ещё. А если тело пролежало какое-то время на земле, то насекомых уже полчища.

Ему пришла в голову идея проверить первое место преступления, хотя ответ он уже и так знал. Вернувшись, уже пешком, на улицу Гагарина он взял с ближайшего куста первого попавшегося жука и поместил его на траву, примятую телом погибшего. Как и ожидалось, жук ни в какую не хотел там оставаться, мгновенно начинал двигаться оттуда и останавливался только когда пересекал невидимую окрестность.

Перед тем как пойти домой на обед, он решил зайти в морг, вдруг появилась какая-то новая информация. Через десять минут он уже открывал дверь в комнату, где производили вскрытие. Оттуда уже звучали знакомые голоса патологоанатома и судмедэксперта. Они активно о чём-то спорили между собой.

– О, снова вы. Пришли за новостями? – выкрикнул Олег Смирнов, патологоанатом.

– Да, было бы неплохо, а то с момента, как я отсюда ушёл, вопросов лишь прибавилось. Вот я и подумал, может, вы мне поможете кое-что прояснить. Почему насекомые могут начать избегать мест преступлений? Причём это не случайной формы место, а идеальный круг.

– Без понятия, – хором ответили Олег и Нина.

– Я особо и не рассчитывал на вас, вы же не энтомологи как-никак. Может, у вас есть что новое для меня? Новый труп никак не помог?

Труп Кирилла Леонова лежал перед ними на столе. Труп первой жертвы лежал на другом столе у стены.

Олег обвёл тело широким жестом.

– На этом теле точно такие же повреждения как на предыдущем. Только вот полосы теперь идут вдоль тела, а не по спирали, как на первом. И они в два раза уже. Скорее, это уже больше шнурки, чем полосы.

– Это случайно не тот самый Леонов? Наркоман, который был главным подозреваемым в деле убийства твоего друга? – он повернулся к Нине, – и твоего отца.

– Да, это он, – ответил Иван.

– Так, может, нам просто, без всякого вскрытия, начать их закапывать? Зачем нам находить того, кто это делает? Работает своего рода санитар леса. Ещё и трёх часов дня нет, а уже в городе стало на двух отбросов меньше. Первый избивал, и бог знает, что ещё делал со своей дочерью. Второй – закоренелый преступник рецидивист. В отпуск что ли пойти? Пока город полностью не очистится. Ведь действительно приятно будет вернуться и при этом знать, что ты вернулся в безопасный на сто процентов город.

Олег сделал паузу, закрыв на пару секунд глаза.

– Ну да ладно, это так, мысли вслух. Солидный возраст, стало трудно держать мысли в себе. Особенно сильные, эмоциональные мысли. Что по нашему делу, так тут всё просто. Вторая жертва так же в какой-то момент умерла от болевого шока. И мы вновь не понимаем, как за столь короткое время можно сделать подобный объём работы. Посмотрите на это, – он указал рукой на кучу кожаных шнурков, лежащую возле тела.

Было такое ощущение, будто они немного шевелились, словно тысяча ленивых червей.

– Здесь более сотни полосок, снятых со всего тела. Если бы он пропал неделю назад или дней десять, я бы ещё понял. Но Нина мне сказала, что он пропал всего на пять минут. Лично я прихожу к мысли, что у нас в городе действует не человек.

Иван обратил внимание на то, как Нина, услышав это, резко изменилась в лице. Ещё секунду назад оно выражало огромный интерес ко всему происходящему, а теперь на нем отражался только страх, почти ужас.

– Нин, что случилось? На тебе лица нет. Ты пришла к тому же мнению? Что люди здесь не причём?

Нина крепко сжала в руке крестик, висящий у неё на шее.

– Я никогда не верила в подобное. Но теперь мой скептицизм просто тает на глазах. Я никому не хотела об этом говорить, дабы меня не сочли сумасшедшей, но да. Определённо, это не дело рук человеческих. Не знаю чьих точно, да и рук ли вообще. Может, клешней или щупалец. Это объяснило бы тот факт, что за пять минут с телами сделано то, на что у людей, даже с использованием самого современного оборудования ушли бы дни.

– Я тоже готов обвинить скорее инопланетян, чем какого-то борца за справедливость. Но почему тогда они выбирают целями тех, от кого весь город рад был бы и сам избавиться? И почему ошкуривает их разными способами? Скорее всего, мы чего-то пока не понимаем. Я пока буду искать человека, попробую угадать, кто будет следующим. Неплохо было бы приставить к каждому негодю в городе по полицейскому, но негодяев у нас в городе гораздо больше, чем полицейских. Пойду в участок, поковыряюсь в базе, попробую узнать, кто из потенциальных жертв ещё в городе.

– Как составите список, пришлите его мне, я попробую помочь, чем смогу. Как говорится, одна голова хорошо, а две лучше, – сказала Нина.

Олег подождал, пока она закончит и, улыбнувшись, добавил:

– А у меня и своих дел хватает, мне не присылайте список. Да и не хочу я знать, сколько ещё в нашем городе присутствует всякого отребья.

Иван, прихрамывая, пошёл к выходу, но остановившись у открытой двери, сказал, не оборачиваясь.

– Если это инопланетяне или что-то сверхъестественное, почему оно выбрало своей целью наш город?

Не получив ответа, он покинул здание морга. До самой полуночи он просидел за компьютером в отделе, отсортировывая тех, кто, по его мнению, заслужил подобную расправу. Список состоял из сорока одного имени. Здесь были убийцы вышедшие из мест лишения свободы, насильники, педофилы и обвиняемые в тяжких преступлениях, но избежавшие наказания. Также не забыл он добавить и пьяных водителей, по чьей вине погибли люди.

Переслав по почте этот список Нине, он побрёл спать домой. Жил он в пяти минутах ходьбы, в доме у центрального рынка. В небольшой однокомнатной квартирке на третьем этаже. Здесь было собрано всё, что ему нужно было для комфортной жизни. Список был невелик, компьютерный стол и стоящий на нём древний ноутбук. Несколько удочек и других рыболовных принадлежностей в углу прихожей. В комнате у кровати стоял огромный, древний как мир, аквариум с несколькими седыми гуппи, доживающими свою жизнь. На стене висел ковёр с большой коллекцией значков и медалей, которую начал собирать ещё его отец. Телевизор пылился на полу в углу, накрытый старым бежевым покрывалом.

Обстановка была более чем спартанская. Трудно было найти ещё одного майора полиции, которого окружала столь же скромная, почти аскетическая обстановка.

Войдя в квартиру, он был встречен своим любимцем, чёрным тринадцатилетним котом по кличке Умка. Иван погладил кота, скинул с себя уличную одежду, затем по привычному пути пошёл на кухню, положил корм коту, и нажал на кнопку чайника. Не дожидаясь пока он закипит, Иван отправился в ванную комнату. Включил тёплый душ, скинул с себя одежду и залез в ванную.

В районе уже несколько дней была выключена горячая вода, с целью очередного ремонта городскими службами не пойми чего. На подобный случай в ванной был установлен стопятидесятилитровый бойлер. Сев под тёплый душ, он принял позу, которая многие годы позволяла ему, находясь под струями, очистить голову от лишних мыслей и сфокусироваться на нужном. Согнутыми коленями упёрся в бока ванной, руки положил локтями на колени, голову на сложенные руки.

Вода лилась ему на спину и голову. В таком положении он сидел, пока постепенно вода из бойлера не стала прохладной, а затем ледяной. Обычно это происходило за полчаса, и этого времени хватало, чтобы взглянуть на проблему глубже и под разными углами. Он смотрел на капли, падающие с его волос на дно ванной. Смывался прошедший день, как пел Высоцкий. С каждой каплей уходили все трудности и весь стресс прожитого дня. Глаза, лишённые век, смотрящие на него со стола, полосы кожи, странно ведущие себя насекомые, мысли об инопланетянах и многое другое.

Ночь прошла на редкость спокойно, сон был наполнен приятными картинками очищения его родного города. Он стоял на Конаковке, дороге, ведущей от Ленинградского шоссе до Конаково. Мимо него из города проезжала бесконечная вереница грузовиков. Каждый из них был нагружен чем-то грязным, мерзким, тошнотворно пахнущим. С каждым проезжавшим грузовиком, свет, исходящий со стороны Конаково, становился всё ярче и ярче, пока не стал ослепительным. Именно этот слепящий свет, заставил Ивана проснуться за несколько минут до звонка будильника.

– Надеюсь, сегодня не будет новых трупов, – сказал он сам себе.

Но его надежды распались на мельчайшие части после звонка с работы. Уже полчаса поступают звонки от людей, обнаруживших трупы без кожи. Было уже девять звонков из разных уголков Конаковского района. Надо было срочно идти в участок. Когда Иван пришёл туда, он узнал, что тел уже больше двадцати. Дело принимало слишком большой размах, чтобы его оставили Ивану. К делу привлекли специалистов из Москвы и ФСБ. Дело взял под свой личный

контроль Генпрокурор РФ. Учитывая количество жертв, было очевидно, что в районе работала группа убийц.

Все тела свозились в местный морг, куда Иван и решил направиться в первую очередь. Поскольку делом теперь занимались другие, у него была полная свобода действий. Подойдя к моргу, он увидел, как туда из труповозки вереницей заносят тела на носилках. Патологоанатом стоял у дверей и говорил людям, куда именно они должны положить очередной труп.

Иван подождал, пока у него возникнет небольшая пауза и подошёл к нему.

– Я бы сказал, что утро доброе, но вижу, что совсем не такое. Сколько всего тел?

– Это с какой стороны посмотреть, если все эти трупы тех, кому я никогда не пожелал бы ничего хорошего, то день прекрасный. Работы, правда, действительно предстоит много. Кто-то сегодня ночью серьёзно поработал, за одну ночь убили сорок одного человека. Пятилетку за одну ночь, так сказать. Их уже на пол в морге складывают.

Как только Иван услышал цифру сорок один, в нём будто что-то оборвалось. Ведь именно столько анкет он переслал Нине ночью, сорок одну. Это не могло быть совпадением, Нина как-то была во всём этом замешана. Возможно, она передавала данные о преступниках кому-то, а может, и продавала их. Вряд ли она сама участвовала непосредственно в убийствах. Он знал её с самого её рождения, и знал, что, несмотря на её работу, она и мухи не могла обидеть. К тому же, он обещал её отцу позаботиться о ней, и до сих пор с трудом верил в её вину.

Нужно было срочно с ней связаться, чтобы услышать от неё, виновата она или нет. Он немедленно набрал её номер.

– Нина, я хорошо знал твоего отца, как и тебя. По крайней мере, я так думал до этого момента. Ты знаешь, что в морг привезли сорок одно тело. Ровно столько, сколько я ночью переслал тебе анкет.

– Дядя Иван, я не смогу объяснить всего по телефону, это довольно долгая история. Приходите к понтонному мосту через пятнадцать минут, я уже здесь. Всё расскажу во время прогулки по бору. Надеюсь, вы всё поймёте.

– Я вызову такси и буду на месте быстрее.

И всё-таки он был прав, она во всём этом как-то замешана. Возможно, её приглашение – это ловушка подельников Нины. Иван достал табельное оружие из подплечной кобуры, снял с предохранителя, загнал патрон в патронник и положил пистолет обратно. Через несколько минут он уже был на месте. Нина стояла в двух шагах от начала моста, опёршись локтями о перила, и смотрела на сверкающую гладь воды.

– Я не сомневалась, что вы обо всём догадаетесь, но я хотела сделать всё быстро. Содрать пластырь, так сказать. А то муки совести не позволили бы мне продолжить. Пройдёмтесь по бору, моя история будет действительно долгой. Долгой и неправдоподобной.

Они медленно пошли через мост, в сторону соснового бора. Девушка в ярком платье, скорее всего, привезённом из её отпуска в Перу и хромой мужчина пенсионного возраста. Со стороны они выглядели как отец, мирно прогуливающийся со своей дочкой, а не полицейский с подозреваемой в сорока трёх убийствах.

Они молча прошли весь мост, и как только миновали вход на лодочную станцию, где толпилось много людей, она начала свой рассказ.

– Вы уже знаете, что я неделю была в отпуске, в Перу. А знаете, зачем я туда поехала?

Иван отрицательно покачал головой.

– В Перу есть один ритуал, называется ритуал Аяуска. Очень сильный ритуал очищения души и тела. Рано утром вас отвозят на лодке куда-то в джунгли, где стоят несколько хижин. До ритуала тебе нельзя ни пить ни есть в течение суток. Этим же вечером вас всех собирают вместе в одной хижине, задают несколько вопросов. В основном спрашивают, нет ли у вас определённых болезней. Затем вы усаживаются вокруг какого-то котла, где шаман что-то варит, и в итоге выпиваете миску этого отвара. Те, кто проходил этот ритуал, говорят, что они общались

с богом, который отвечает на все их вопросы и говорит, как вы должны себя вести и жить, чтобы всё наладилось.

Она сделала небольшую паузу и показала Ивану на сидевшую недалеко от тропинки белку.

– У многих этот самый бог выглядел, как какое-то животное, или просто нечто яркое и абстрактное. Но у всех этот бог был добрым. Мне в тот раз достался злой бог. Скорее всего, последние пять лет я жила лишь с одним желанием. Чтобы человек, убивший моего отца, умер. Да не просто умер, быстро и безболезненно покинул этот мир, а очень, очень сильно мучился перед смертью. Так вот, выпив отвар, я оказалась в кромешной, беспросветной, бесконечной тьме, окружённая лишь его голосом. Он спросил меня, чего я жажду больше всего, здоровья, богатства, славы. Я ответила, что жажду смерти одного человека. Он сказал, что именно он может мне с этим помочь. Вот с помощью этой вещицы.

Она перевернула кольцо, выглядящее дешёвой серебряной безделушкой, на безымянном пальце, камнем наружу. На кольце красовался кроваво-красный камень в форме какого-то существа в позе эмбриона. Иван мог поклясться, что камень изнутри излучал какой-то свет.

– Когда я пришла в себя, это кольцо было у меня на пальце. Он мне сказал, что умирать будут только те, кто действительно достоин смерти. Он будет забирать их в своё царство, где будет долго и мучительно их убивать, снимая с них кожу живьём. Но в нашем мире они будут исчезать на одно мгновение, а появляться уже мёртвыми. За это он потребовал с меня их души, души достойных умереть мучительной смертью. Мне, как вы, наверное, знаете, не нужны были их души, да и вообще ни чьи. К тому же мне было совершенно безразлично, что станет с их душами. Так что я, разумеется, согласилась, не спрашивая, кто он такой и почему помогает мне. От меня требовалось лишь поместить частицу человека, которого нужно убить, в этот камень. Через мгновение человек был уже мёртв. С частицами нужных мне людей проблем не возникло. У нас в базе есть образцы их ДНК. До вчерашнего дня я не верила в то, что всё это правда, что всё это не бред, увиденный в состоянии наркотического опьянения.

Она достала из сумочки фотографию Леонида Воронцова, первой жертвы.

– Первой целью, для пробы пера, я выбрала его. Я взяла образец его ДНК, пошла к его дому, Гагарина девять, и спряталась в кустах за домом. Я знала, что он пойдёт на утреннюю смену в пятёрочку, где он работал грузчиком. Ждать пришлось недолго, спустя некоторое время он показался из-за угла дома. Я не хотела, чтобы он вышел на более открытое место, и сразу поместила образец его крови на кольцо. Камень словно втянул в себя кровь, и в тот же момент засветился. И тогда я поняла, что всё это взаправду, и обещания бога, и моя месть полностью реальны. Воронцов замер без движения, затем я увидела, как он оторвался от земли на пару метров. Я видела выражение ужаса в его глазах, ужаса и беспомощности. Как оказалось, к такому быстро привыкаешь. Он на мгновение исчез в каком-то тёмном облаке, потом появился уже без кожи, а за ним сверху падали какие-то полосы, я сразу поняла, что это его кожа. Я увидела, как из-за угла показался ваш с папой бывший друг, Дмитрий, кажется, и испугалась, что он что-то увидит. Повезло, что он был пьян в стельку. Тогда я быстро убежала оттуда. Знаете, чувство того, что я отомщу за своего отца, грело мою душу, как никогда до этого. Тогда я была одновременно и сильнее всего за всю мою жизнь испугана, и сильнее всего счастлива.

Мимо них прошла группа пьяной молодёжи, и она на несколько секунд замолчала.

– Что, по-твоему, подумал бы про тебя сейчас твой отец? Ты превратилась в серийного убийцу, в монстра.

– Он похвалил бы меня, и был бы мной горд, как никогда никто никем не был горд. Я избавила мир от сорока трёх преступников, отбросов, бешеных неисправимых тварей, от которых никогда не было никакой пользы. Уверена, многие из них совершали бы преступление вновь и вновь, и вновь. Сколько времени ушло бы у всего вашего отдела, на то, чтобы навсегда убрать столько мусора с улиц? Можете не отвечать. Ответ – бесконечность времени. Вы их

ловите, они сидят, затем выходят и убивают, грабят, насилуют снова. Некоторых вы ловите опять, и всё повторяется по новой. Вы все – лишь часть вечного круговорота преступлений.

– Зачем ты мне это рассказываешь? Хочешь услышать от меня слова благодарности? Ты их не услышишь. Я не спорю, иногда мне и самому хотелось пристрелить некоторых их тех, кого я ловил. Насильников, растлителей малолетних и многих других. Но мы должны делать всё по закону. Должны действовать в его рамках. Любой выход за них автоматически приравнивает нас к тем, с кем мы должны бороться. За всё время работы в органах правопорядка я ограничивался лишь мыслями о самосуде. Да и органами правопорядка нас называли не просто так. А то, что делаешь ты, к порядку отнести никак нельзя.

– Правосудие – понятие субъективное. Например, я была бы рада, чтобы опасных преступников убрали с улиц навсегда. Понимаете? Я бы не хотела думать о том, что их когда-нибудь снова выпустят к таким как я, к простым гражданам. Но вот с этим кольцом на пальце я могу ставить жирную точку. И пусть после смерти меня судят всеми божьими судами, в аду или в раю, мне всё равно. Можете арестовать меня, если вам так хочется, но только благодаря мне этот город сегодня может спать спокойно. Спать, зная, что завтра никто не накинется на их детей или не убьёт их мужей, братьев, сестёр, сыновей, дочерей. У меня ушли одни сутки, чтобы этого добиться, и я не собираюсь останавливаться. Двадцать четыре часа – и город стал безопаснее. Всего двадцать четыре часа.

Иван остановился, повернулся к Нине и положил руку ей на плечо.

– Когда твой отец умирал на моих руках, я обещал ему позаботиться о тебе. Думаю, я полностью выполнил данное мной обещание, – он показал пальцем на кольцо у неё на руке, – передаю эстафету вот этой дьявольской вещице у тебя на пальце. Сама решай, что делать, и будь что будет. А я сегодня ухожу на заслуженную пенсию.

– А я приняла предложение о работе судмедэкспертом в Твери. У них огромная база ДНК преступников со всей страны. Я заберу их столько, сколько будет возможным. После Твери в Москву, ближе к центральной базе. Знаете, сколько у меня уйдёт времени на то, чтобы сделать всю страну безопаснее? Двадцать четыре часа. А потом будь что будет.

Иван немного постоял, развернулся и пошёл прочь. Нина не пыталась его остановить. Отойдя на пару метров, он остановился и, не оборачиваясь, тихо произнёс.

– Жаль, но я сейчас думаю только о том, что после своей смерти ты не попадёшь к своему отцу. Боюсь, вы будете в совершенно противоположных местах.

Словно упавший лист

– Уже половина второго, я, наверное, пойду. Завтра рано вставать, хотелось бы хоть немного выспаться, – сказал Алексей, вставая из-за стола.

Все собравшиеся посмотрели на него, как на предателя. Словно он в самый разгар сражения сказал, что ему пора домой и оставил всех своих друзей воевать в одиночестве.

– Посиди ещё часик и поедем на такси вместе, – сказал Макс, поднимая очередную стопку рома.

– Ты чё, размяк что ли? Не гони, завтра же суббота. Шоу маст го он – как говорится. Гуляем до утра, – проорал изрядно подвыпивший Серёга, школьный друг Алексея.

– Завязывайте, знаю я ваш часик, может затянуться часов на пять минимум. Прогуляюсь до дома, проветрюсь. Полуторакилометровая прогулка под звёздами мне сейчас точно не помешает. И спирт выветрится и голову прочистит чутка.

Спустя пару минут Алексей с общего благословения, покинул дачу своего друга.

На улице царила звёздная, безветренная июньская ночь. На небе сияла полная луна, освещающая верхушки деревьев. Прогулка обещала быть приятной.

Прийти домой, выпить зелёного чая, принять душ и пойти спать – вот чего хотел и ждал Алексей, идя по тёмным, без единого фонаря, улицам старого города.

Чуть ли не каждый месяц в старом городе на месте одного из покосившихся одноэтажных домиков появлялся двух, а то и трёхэтажный современный дом. Жители столицы постепенно заселяли город, превращая его в копию одного из подмосковных посёлков.

Алексей медленно продвигался по тёмным улицам. Хорошие дороги, несмотря на обилие новых богатых домов жителей столицы, ещё не дотянулись до старого города, и любой неверный шаг в темноте мог стоить растяжения или перелома.

Вдруг ему показалось, что метрах в десяти по правую сторону дороги, в кустах, что-то зашевелилось. Недостатка в бездомных собаках старый город не испытывал, на что парень и свалил тряску кустов, и без страха зашагал вперёд.

Почти пройдя те злосчастные подозрительные кусты, он услышал, как кто-то выскочил позади него и инстинктивно сделал несколько быстрых шагов. Обернувшись, он разглядел силуэт человека с куском то ли палки, то ли трубы в руке.

– Повезло, – подумал Алексей и решил, как можно скорее уйти подальше от того места.

Нехватки в наркоманах и алкоголиках в городе тоже не было. Бывало, некоторые представители сего племени попадались на улице и кланчили деньги, но, чтобы они вот так, с дубиной в руках посреди ночи нападали на людей, о таком он никогда не слышал. Всем плевать на их медленное самоуничтожение и повсеместные ямки в земле от закладок, но начини они нападать на людей, их с удовольствием пересажают.

Дальше он предпочёл идти куда быстрее, подсвечивая себе дорогу фонариком почти разрядившегося смартфона. Он шёл, не встречая на своём пути ни единой живой души. Только изредка из-за какого-нибудь забора начинала лаять одна из многочисленных сторожевых собак.

Тем временем стал подниматься ветер, и с каждым следующим шагом дул всё сильнее и сильнее, пока не стал почти сдувать Алексея в сторону леса. Лёгкая рубашка и шорты никак не вписывались в разгулявшуюся непогоду. Он шёл, одной рукой освещая себе путь телефоном, второй придерживая бейсболку.

Метрах в двадцати впереди показался крохотный дэо матиз Ольги, соседки по участку. Она работала в другом городе по одному богу понятному графику. В день через ночь, в утро через вечер, или как-то так. Алексею всегда её график казался не менее смешным, чем её попытки его объяснить. Она припарковалась и вышла из машины с двумя тяжёлыми на вид

сумками в руках. Алексей, проходя мимо, поздоровался с ней, но она, не обратив на него ни малейшего внимания, открыла калитку и исчезла за железным забором.

Вот и родные пенаты. Его кошка Тушка сидела на мосту у калитки и смотрела на приближающегося хозяина. Кошка была какой-то длинношерстной породы, и ветер превращал её в огромный пучок колыхающегося меха.

Обычно, когда Алексей подходил к дому, Тушка бежала к нему и начинала тереться о его ноги, потом ныряла под калитку и ждала его у входной двери. Но в этот раз она не сдвинулась с места и лишь провожала его странным безрадостным взглядом.

Алексей достал из кармана ключи и попытался вставить их в замочную скважину, но рука с ключом прошла сквозь калитку. Он попробовал схватить ручку, но рука вновь прошла сквозь металл. Ветер с каждой секундой становился всё сильнее и сильнее. Движимый страхом, он попытался выбить калитку ударом плеча и, пройдя сквозь неё, упал в метре от входной двери. В коридоре горел свет, прорываясь сквозь небольшое оконце в двери тёплым, уютным потоком. Он попытался дотянуться до двери, но холодный пронизывающий ветер не позволил ему даже дотронуться до неё.

Всепоглощающий страх заполнил каждый атом тела и сознания. Он с ужасом понял, что та атака из кустов, которая, как ему казалось, была безуспешной, достигла цели. Потрогав свой затылок, ощутил мокрую липкую вмятину. Он посмотрел на руку. Ветер сдувал с неё капли крови и налипшие волосы.

Алексей понял, что никогда уже не попадёт за эту дверь, не услышит голоса друзей, своей девушки, матери. В мгновение ока отчаяние от осознания безысходности овладело им. Он поочерёдно оторвал от земли ноги, и ветер, подхватив его, словно упавший лист, унёс в пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.